Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский Государственный Университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт медиа и социально-гуманитарных наук
Кафедра «Отечественная и зарубежная история»

УДК
ББК

«ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ»
Зав. кафедрой ОиЗИ _____
д.и.н., доцент О.Ю.Никонова
«___» _____ 2020

Террористы в русском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX века): коллективный портрет

ЮУрГУ - 46.03.01.2020. 249. ВКР бакалавра

Руководитель ВКР
к.и.н., доцент Н.А. Антипин
_____2020 г.

Автор ВКР
студент группы СГ-406
К.К. Юровский
_____2020 г.

Нормоконтролер
_____
_____2020 г.

Челябинск 2020

РЕФЕРАТ

Юровский, К. К. Террористы в русском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX века): коллективный портрет – Челябинск: ЮУрГУ, СГ-406, 2020. – 74 с., библиогр. список – 72 наим., 1 прил.

Ключевые слова: революция, революционное движение, революционная организация, политическое насилие, терроризм, террористы, Российская империя, коллективный портрет.

Объектом исследования выступают террористы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

Цель работы – реконструировать коллективный портрет российских террористов во второй половине XIX – начале XX века.

Для достижения цели решены следующие задачи:

1. Проанализирован генезис и теоретическое обоснование идеи революционного терроризма в русском революционном движении;
2. Охарактеризованы террористические организации второй половины XIX – начала XX веков с точки зрения их состава, целей, деятельности;
3. Изучены биографии и социальное происхождение террористов;
4. Освещена специфика их деятельности;
5. Выявлены характерные черты образа террориста.

Методологическая основа работы связана с такими направлениями, как история идей и политическая история, в рамках которых рассматривается зарождение и развитие идеологии революционного терроризма, а также изучаются деятельность и характеристики революционных партий. Основным специальным методом исследования стал просопографический метод, в рамках которого выявляются общие характеристики террористов, и на их основании реконструируется коллективный портрет. Кроме того, в работе использовались историко-проблемный, историко-генетический, историко-биографический и историко-сравнительный методы. Историко-проблемный метод позволил выявить и обозначить ряд проблем для нашего исследования и сконструировать его структуру. Историко-генетический метод направлен на выявление причинно-следственных связей социальных явлений. В рамках историко-биографического метода реконструируются и анализируются подробности жизни и деятельности террористов Российской империи дореволюционного периода. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие и различные черты террористов.

Основные результаты исследования заключаются в анализе революционного движения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века, а также в конструировании коллективного портрета российских террористов рассматриваемого периода.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Терроризм как форма политической борьбы 12

1.1. Генезис и теоретическое обоснование идеи революционного терроризма 12

1.2. Практика революционного терроризма в Российской империи: организации и участники 20

Глава II. Коллективный портрет российских террористов дореволюционного периода 38

2.1. Происхождение и социальный состав террористов 38

2.2. Формирование мировоззрения и деятельность террористов 45

2.3 Реконструкция образа идеального террориста 57

Библиографический список 67

Приложение 75

Введение

В последнее время проблема терроризма приобретает всё более выраженные черты зловещего элемента повседневности, что заставляет нас пытаться понять сущность этого явления. Терроризм известен человечеству с древнейших времён (с момента образования классовых обществ), однако именно в XX веке стал не только национальной и внутригосударственной угрозой, но и международной. В течение веков терроризм использовался различными политическими силами в качестве хоть и незаконного, и опасного, но тем не менее эффективного оружия политической борьбы, ставшего одним из важнейших факторов, приводящим к повышению напряжённости на геополитической арене. Сегодня от проявлений терроризма не застрахованы ни высокоразвитые, ни отстающие страны. Всё это ставит перед государствами сложнейшую задачу по противодействию политическому терроризму. Эффективное решение этой задачи невозможно без всестороннего анализа и исследования феномена терроризма в контексте исторического развития человечества. **Актуальность** данной работы заключается в том, что апелляция к историческому опыту, в частности к генезису терроризма и его идеологическим корням, а также изучение мотивации и деятельности террористов может помочь современному обществу в борьбе с сегодняшним терроризмом.

Объектом исследования выступают террористы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

Предмет исследования – происхождение, деятельность и социальный облик террористов в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1860-х по 1917 год. Нижняя хронологическая граница – 1860-е годы – обусловлена тем, что именно в это время зародился терроризм в России и уже в следующем десятилетии получил наибольшее распространение, оформившись в стройную и организованную систему в работах идеологов

терроризма того времени. Верхняя граница хронологических рамок – 1917 год – была выбрана потому, что 1917 год является естественной границей, когда происходят масштабные социально-экономические, политические, культурные изменения, трансформируется политическая элита и состав властных структур, а, соответственно, исчезает объект дореволюционного террора.

Территориальные рамки исследования – Российская империя.

Степень изученности проблемы. Изучению проблемы политического терроризма посвящена обширная научная литература. Историографию по исследуемой проблеме можно разделить на: советскую, современную и зарубежную.

Первые попытки исторического осмысления проблемы революционного террористического движения в Российской империи предпринимались современниками и непосредственными участниками. Поэтому в качестве историографического источника, помимо непосредственно исторических исследований, можно использовать публицистическую литературу, в которой находил отражение существующий на тот момент в обществе уровень исторических знаний по заданной проблематике. Тема терроризма также присутствовала и в текстах различных печатных изданий левого толка, таких как «Бунтарь», «Анархист», «Былое», «Буревестник». Тем не менее, в историографии досоветского периода тематика революционного терроризма не выделялась в специальную проблему и рассматривалась в контексте других исторических проблем – в частности, в истории народничества и других левых партий или же истории первой русской революции 1905-1907-х годов[1].

Проблема революционного терроризма неоднократно затрагивалась уже в работах советского времени. Интерес к дореволюционному периоду русской истории появился по нескольким причинам. Во-первых, после

[1] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 2000. – С. 24.

прихода к власти большевиков возрос интерес к революционному прошлому, благодаря которому стала возможна эта победа, а во-вторых, подогревали интерес печатные и устные выступления живых свидетелей этой самой революционной борьбы.

Так, например, в советском историческом журнале «Пролетарская революция» публиковались воспоминания М.П. Голубевой о революционере-народнике П.Г. Заичневском[2]. В своей «Из истории революционной мысли в России» Б.П. Козьмин исследует развитие революционных идей русского народничества[3]. В коллективной работе А.И. Володина, Ю.Ф. Карякина и Е.Г. Плимака «Чернышевский или Нечаев» анализируется роман Чернышевского «Что делать?» и рассматривается деятельность Н.Г. Чернышевского на фоне событий, происходивших в русском освободительном движении в 50-60-х годах XIX века[4]. В труде Ш.М. Левина «Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX века» ещё более полно раскрывается проблема терроризма во второй половине XIX века и приводится богатый фактологический материал[5]. В книге Н.А. Троицкого «Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма в 1866-1882 гг.» исследуется деятельность революционных партий в контексте освободительной борьбы и карательной политики царизма, ответом на которую и стал индивидуальный политический террор в адрес должностных лиц государства[6]. В 1968 году увидела свет монография К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна «От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-

[2] Голубева М.П. Воспоминания о П.Г. Зайчневском // Пролетарская революция. – 1923. – № 6–7. – С. 16-22.
[3] Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. – М., 1961.
[4] Володин А.И. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-60-х гг. XIX в. – М., 1976.
[5] Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX века. – М., 1958.
[6] Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 гг. – М., 1978.

революционеров)[7]», в которой были заложены основные подходы исторической характеристики литературы о революционном терроризме и предложена периодизация историографических материалов по данной проблеме.

В 1920-х годах авторами работ, посвящённых эсеровскому и анархистскому террору, стали, главным образом, видные большевистские деятели, такие как А. Платонов, Я. Яковлев, А.В. Луначарский и т. д.

Как самостоятельная задача исследований история революционного терроризма и биографии террористов начали изучаться отечественными историками уже после крушения Советского Союза, в середине 1990-х годов. В это время ими были написаны ряд монографических работ, диссертаций и научных статей, которые были посвящены истории российских политических партий второй половины XIX – начала XX века и рассматривали проблематику революционного терроризма. Связано это было с тем, что именно в это время происходит обострение политической обстановки в мире, что сделало тему политического террора вновь актуальной. Так, в монографии О.В. Будницкого «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.)» впервые в отечественной историографии была предпринята попытка выработать общую концепцию истории революционного терроризма[8]. В «Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях» того же автора собрано множество архивных документов и материалов по означенной проблеме[9]. В монографии З.И. Перегудовой «Политический сыск России 1880 – 1917» анализируется история и деятельность главного российского сыскного учреждения – Департамента полиции, на основании которой можно исследовать взаимодействие этой организации с

[7] Гусев К.В. От соглашательства к контрреволюции. (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). – М., 1968.
[8] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX - начало XX в. – М., 2000.
[9] Будницкий О.В. Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях – М., 2001.

террористами, проследить, как последние противостояли сыскному аппарату Департамента полиции[10]. Особое внимание изучению подготовки и проведения террористических актов в начале XX века уделено в работах Н. Д. Литвинова[11]. Образ террориста в русской культуре рубежа XIX и XX веков рассматривает исследователь А. С. Баранов[12]. В работе «Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг.» Р. А. Городницкий исследует биографии участников этой организации, их взаимоотношения между собой и их видение дальнейшего будущего России[13].

Зарубежная историография также представлена широким спектром работ. Среди них – монография «Революционный террор в России» А. Гейфман, в которой автор исследует эскалацию политического насилия на рубеже XIX – XX веков[14]. Л. Г. Прайсман в своей работе «террористы и революционеры, охранники и провокаторы» проанализировал историю создания и деятельности боевой организации партии эсеров, а также сложные отношения между государством и террористами-революционерами[15]. Американский историк Н. Неймарк в статье «Терроризм и падение императорской России» попытался сконструировать общую концепцию истории российского революционного терроризма[16].

Таким образом, в историографии достаточно широко освещена проблема революционного терроризма в России, хорошо изучена деятельность народнических, анархистских и эсеровских организаций и

---

[10] Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917). – М., 2000.
[11] Литвинов Н.Д. террористические организации: формирование и деятельность. – М., 1999.
[12] Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 1998. – № 2. – С. 181-191. – URL: ecsocman.hse.ru (Дата обращения 05.03.2020).
[13] Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. – М., 1998.
[14] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997.
[15] Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М., 2001.
[16] Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Summer. 1990. – Vol. 2. – No. 2. – P. 171-192.

отдельных террористов, исследована идеология террора в контексте освободительной борьбы, однако достаточно мало работ, посвящённых непосредственно биографиям и деятельности террористов, анализу их взглядов; не реконструирован коллективный портрет всей массы террористов. Поэтому научная новизна представленной выпускной квалификационной работы заключается в конструировании коллективного портрета русских террористов второй половины XIX – начала XX веков.

Цель работы – реконструировать коллективный портрет российских террористов во второй половине XIX – начале XX века.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач:**

6. Проанализировать генезис и теоретическое обоснование идеи революционного терроризма в русском революционном движении;
7. Охарактеризовать террористические организации второй половины XIX – начала XX веков с точки зрения их состава, целей, деятельности;
8. Изучить биографии и социальное происхождение террористов;
9. Осветить специфику их деятельности;
10. Выявить характерные черты образа террориста.

Источниковая база исследования обширна, многие документы опубликованы. Первую группу источников, представляющих наибольший интерес для исследования, составляют источники личного происхождения. Среди них воспоминания, письма, заметки и мемуары известных революционеров и террористов, таких как М.А. Бакунин[17], П.А. Кропоткин[18], С.И. Мицкевич[19], С.Г. Нечаев[20], В.М. Чернов[21], А.В. Пешехонов[22],

[17] Бакунин М.А. Избранные сочинения. Государственность и анархия. – СПб., 1919. – Том 1. – С. 322.
[18] Кропоткин П.А. Записки революционера. – СПб., 2011. – С. 384.
[19] Мицкевич С.И. Русские якобинцы // Пролетарская революция – 1923. – № 6-7. – С. 3-26.
[20] Нечаев С.Г. Катехизис революционера // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 288.
[21] Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. – М., 2007.
[22] Пешехонов, А.В. Первые недели. 1923. – URL: az.lib.ru (Дата обращения 17.02.2020).

Б.В. Савинкова[23], Г.А. Гершуни[24], Н.А. Морозов[25], А.Д. Михайлов[26] и других, которые позволяют составить представление о социальном значении терроризма, о мировоззрении, взглядах и позициях террористов по тем или иным вопросам революционной борьбы, методах борьбы с режимом, их взаимоотношениях друг с другом. Среди прочих, будут рассмотрены труды классиков марксизма, затрагивающие проблему революционного движения в России и роли терроризма в нём[27].

Вторую группу источников составляют материалы делопроизводства, включающие стенографические судебные и полицейские отчёты по делам террористов, а также хозяйственную документацию революционных организаций.

Третью группу источников составляют программы революционных партий, прокламации и листовки. Они помогают составить представление о целях террористической деятельности революционных организаций.

Четвёртую группу источников составляет публицистика, которая описывает историю русского освободительного движения и истоки мировоззрения революционеров, отражает представления террористов о текущей политической и экономической ситуации в стране, описывает реальные судьбы отдельных революционеров, а также демонстрирует метаморфозы их сознания перед казнью.

Изучение обозначенных исторических источников поможет систематизировать и структурировать различные аспекты террористической деятельности в контексте исторического процесса, а также реконструировать коллективный портрет террористов второй половины XIX – начала XX веков.

---

[23] Савинков Б.В. Воспоминания террориста – СПб., 1909

[24] Гершуни, Г.А. Из недавнего прошлого. – Париж, 1908. – URL: library6.com (Дата обращения 11.04.2020).

[25] Морозов Н.А. В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого. – М., 1907.

[26] Письма народовольца А.Д. Михайлова. – М., 1933.

[27] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1960. – Т. 33.

Теоретико-методологическая основа работы связана с такими направлениями, как история идей и политическая история, в рамках которых рассматривается зарождение и развитие идеологии революционного терроризма, а также изучаются деятельность и характеристики революционных партий.

Основным специальным методом исследования стал просопографический метод[28], в рамках которого выявляются общие характеристики террористов, и на их основании реконструируется коллективный портрет. Кроме того, в работе использовались историко-проблемный, историко-генетический, историко-биографический и историко-сравнительный методы. Историко-проблемный метод позволил выявить и обозначить ряд проблем для нашего исследования и сконструировать его структуру. Историко-генетический метод направлен на выявление причинно-следственных связей социальных явлений. В рамках историко-биографического метода реконструируются и анализируются подробности жизни и деятельности террористов Российской империи дореволюционного периода. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие и различные черты террористов.

Под понятием революционного движения подразумевается совокупность методов и теорий, обосновывавших методы, с помощью которых различные политические партии и движения стремятся осуществить социальную революцию посредством систематического применения насилия против представителей власти[29].

Терроризм – это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная

[28] Кистерев С.Н. Перспективы просопографии // Вестник «Альянс-Архео». – 2017. – С. 54-61. – URL: cyberleninka.ru (Дата обращения 20.05.2020).
[29] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 2000. – С. 16.

группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия[30].

Политическое насилие - способ институционализации общественного отношения, в ходе которого одни индивиды или группы людей с помощью различных средств внешнего принуждения и манипулирования подчиняют себе сознание, волю, способности, производительные силы, собственность и свободу других в целях овладения властью, ее удержания и функционирования[31].

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и источников, приложения.

[30] Цит. по: Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930's // The Terrorism Reader. – London, 1979. – P. 223

[31] Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 3.

Глава I. Терроризм как форма политической борьбы

1.1. Генезис и теоретическое обоснование идеи революционного терроризма

Перед тем, как рассматривать истоки появления терроризма, необходимо определиться с дефинициями. В научной литературе существует широкое разнообразие трактовок этого термина. Один из крупнейших исследователей терроризма У. Лакер отмечает, что «не существует общей научной теории терроризма. Она a priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений»[32].

И тем не менее, отечественные и зарубежные специалисты попытались систематизировать человеческие знания о терроризме и ввести ряд дефиниций, объясняющих сущность этого явления. Так, российские исследователи В.В. Витюк и С.А. Эфиров дают следующее определение терроризма: «Терроризм – это политическая тактика, связанная с использованием и выдвижением на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты»[33]; Б. Крозье утверждает, что «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями»; Г. Дэникер, что «Терроризм – это систематическое запугивание правительств, кругов населения и целых народов путем единичного или многократного применения насилия для достижения политических, идеологических или социально-революционных целей и устремлений».

Однако мы остановимся на наиболее подходящем для наших хронологических рамок определении терроризма, данным американским историком Дж. Хардманом: «Терроризм – это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности,

[32] Laqueur W. The Terrorism Reader: A Historical Anthology. – Philadelphia, 1987. – P. 183.
[33] Витюк В.В., Эфиров С.А. Указ. соч. – М., 1998. – С. 224–225.

агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы»[34].

Кроме того, стоит различать понятия «террор» – насилие, применяемое государством, и «терроризм» – насилие со стороны оппозиции, которое и является ответом на государственный террор. В данной работе речь будет идти именно об оппозиционном терроризме.

Истоки терроризма связаны с идеей о праве народа на ответ государственному и общественному насилию и принуждению. Великий английский философ Джон Локк спустя всего несколько десятилетий после английской буржуазной революции в своём учении о государстве и праве писал: «суверенитет народа выше суверенитета, созданного им государства. Народ имеет право на восстание против нарушивших общественный договор правителей, писал всего несколько десятилетий спустя после английской революции»[35].

На протяжении тысячелетий человеческой истории террор как метод устрашения и насилия использовался целыми государствами, политическими, общественными и религиозными организациями для достижения тех или иных политических и социологических целей. Терроризм явился следствием социальной дифференциации людей, породившей классовую сегрегацию общества еще во время разложения первобытнообщинного строя. Интересы различных классов зачастую вступают в противоречия друг с другом и, таким образом, порождают классовый антагонизм. Когда мирные методы урегулирования этих противоречий теряли свою эффективность, многие переходили на насильственный террористический путь классовой борьбы. Со временем масштабы применения терроризма возросли и, зачастую, стали методом разрешения уже внутриклассовых противоречий.

---

[34] Цит. по: Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930's // The Terrorism Reader. – London, 1979. – P. 223

[35] Локк Д. О государстве. – СПб., 1902. – С. 55.

С установлением рабовладельческой системы стал использоваться государством уже в качестве средства управления обществом и подавления политической оппозиции. Как пример – жестокие подавления восстаний рабов. Государство рассматривало применение насилия как необходимую и полностью оправданную меру для укрепления государственного аппарата и усиления стабильности власти. Стоит также упомянуть и про ответный терроризм со стороны оппозиционных власти сил, применявшийся как средство разрешения противоречий с ней.

В эпоху Средневековья и становления феодализма появился новый тип террора – религиозный, активно применявшийся католической церковью в борьбе с идеологическими оппонентами. Применение его совпало с активной христианизацией Европы. Римские папы в соперничестве со светской властью прибегали к насилию и давали идеологическое обоснование его применения с точки зрения христианских догматов. Более того, в своих эдиктах папы легализовали убийство вышедших из повиновения папскому престолу монархов. Таким образом, в эпоху Средневековья была заложена основа правомерности применения террора как метода подавления оппозиционных сильным мира сего структур ради достижения глобальных и важных с точки зрения власть предержащих целей. Безусловно, это имело важное историческое последствие для всего человечества.

Сам же термин «терроризм» вошёл в широкое употребление со времён Великой Французской буржуазной революции в 1789 – 1794 годах. Всего через несколько лет в словаре Французской академии наук появляется определение этого термина как «системы страха». В это время различные антагонистические политические группировки активно проводили политику массовых убийств своих политических оппонентов. Кроме того, в это же время террористическая деятельность приобретает системный характер.

В середине XIX века немецкий публицист, руководитель баденской революции Карл Гейнцен, разработавший теорию «философии бомбы», писал, что в политической борьбе запрет убийства неприменим и, что исходя

из высших интересов человечества, уничтожение людей является оправданным[36]. Похожих взглядов придерживались и философ-анархист Иоганн Мост, считавший, что против варварской системы следует бороться варварскими методами[37]; и теоретик анархизма Пьер Прудон[38], и Луи Огюст Бланк[39], основавший учение о возможности захвата власти тщательно законспирированной боевой организацией единомышленников, которые будут использовать подрывную подпольную деятельность, в том числе заговоры и восстания, чтобы уничтожить монарха и его окружение. На основе Гейнцгеновской теории «философии бомбы» появилась «теория разрушения» Бакунина, который в своих трудах выдвинул мысль о том, что терроризм и разрушение – единственные методы политической борьбы с режимом[40]. В 70-е годы XIX века анархисты выдвинули доктрину «пропаганды действием», постулировавшей, что террористические действия могут подтолкнуть массы к более активному воздействию на правительство.

Зачастую все эти террористические акты ложились в основу революционной борьбы за изменение общественного строя. Сам термин «революция» политизировался только к XVII веку и стал фигурировать в качестве метафоры, обозначающей регулярную смену различных форм правления, которые, аналогично небесным светилам, сменяют друг друга, в то же время, сохраняя вечную неизменность циклов.

Зарождение терроризма в России произошло только во второй половине XIX века. В историографии можно встретить утверждение, что традиции революционного терроризма в России заложили ещё декабристы, которые в начале XIX века попытались вооружённым путём свергнуть

---

[36] Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен // Deutsche-Brüsseler-Zeitung. 1847. – № 79-80. – URL: lugovoy-k.narod.ru (Дата обращения 20.05.2020).

[37] Мост И. Капитал и труд. Популярное извлечение из "Капитала" Карла Маркса. – М., 2011. – С. 53.

[38] Прудон П.Ж. Война и мир. – М., 1864. – Т.1. – С. 178.

[39] Бланк Л.О. Избранные произведения. – М., 1952. – URL: istmat.info (Дата обращения 20.05.2020).

[40] Бакунин М.А. Избранные сочинения. Государственность и анархия. – СПб., 1919. – Т.1. – С. 216.

царизм. Тем не менее, несмотря на то что идея переустройства общества и государства вооружённым путём действительно коррелирует с принципами революционного терроризма, с научной точки зрения воспринимать декабристов первыми террористами некорректно. Восстание декабристов, в силу отсутствия ярко выраженной революционной идеологии, можно рассматривать как попытку государственного переворота с помощью военизированных подразделений, но не как акт революционного терроризма.

Непосредственно революционный терроризм в России зародился в шестидесятых годах XIX века в среде радикальной молодёжи, считавшей, что либеральные реформы государя Александра II недостаточны для улучшения жизни крестьянства и городских обывателей, и нужны более существенные политические и экономические преобразования. Как показала практика, на эти преобразования самодержавная власть добровольно не пойдёт. Этот факт внушил революционерам уверенность в том, что для улучшения жизни всего народа достаточно прибегнуть к терроризму, направленному против малочисленной группы царских чиновников, полицейских и просто охранителей режима. Первым русским террористом считают Дмитрия Каракозова, который совершил покушение на жизнь императора Александра II в апреле 1866 года.

На разных этапах своего существования терроризм как метод борьбы с самодержавием использовали все революционные организации Российской империи второй половины XIX – начала XX веков. Терроризм в контексте деятельности этих организаций преследовал две цели: во-первых, он дезорганизовывал и нарушал нормальное функционирование политической конфигурации власти, а во-вторых, повышал политическую заинтересованность широких народных, которая умело использовалась революционерами в своей борьбе.

Причины зарождения революционного терроризма в 1860-е годы в историографии озвучиваются разные: одни говорят, что он был ответом на

реформы, которые интеллигенция посчитала вредными[41], другие – что ответом на заморозку демократических реформ[42]. С моей точки зрения, обе этих причины легли в основу генезиса русского революционного терроризма. Уже в начале XIX века для многих представителей нарождающейся буржуазной интеллигенции стала очевидна неспособность царского правительства адекватно и своевременно реагировать на возникающие проблемы российского общества. Конфликт производительных сил и производственных отношений с течением времени только усиливался, создавая, таким образом, революционную ситуацию, однако царь и его окружение в силу своих довольно консервативных взглядов не видело будущего страны в переходе на буржуазно-капиталистические рельсы. В результате политической борьбы и нарождающихся оппозиционных абсолютистской монархии настроений, Александру I пришлось взяться за демократизацию политической системы. Однако его реформы провалились, а сменивший Александра I Николай I развернул вектор политического развития на 180 градусов, взяв курс на дальнейшую абсолютизацию власти. Для львиной доли либеральной интеллигенции умерли надежды на мирное реформирование государственной власти. И даже запоздалая крестьянская реформа 1861 г., проведённая Александром II, не решала ключевых противоречий в обществе, а сохранявшаяся сословная сегрегация вызывала недовольство царем даже в среде крестьянства. Таким образом, заморозка либеральных реформ послужила катализатором развития терроризма. Однако и неуверенные шаги царского правительства в сторону либерализации общества, выразившиеся в ряде реформ Александра II и Александра III, были восприняты неоднозначно, а зачастую, вызывали отторжение не только у старой феодальной интеллигенции, но и у буржуазной тоже, считавшей их вредными и видевший иной путь реформирования власти и ограничения самодержавной монархии.

[41] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 2000. – С. 314.
[42] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997. – С. 102-103.

Революционный терроризм возникает тогда, когда мирные способы политической борьбы становятся уже неэффективными. Актуализируется он с особенной силой в условиях абсолютизации власти, когда оппозиционные силы не только не допускаются к государственному управление, но и подвергаются репрессиям со стороны государства. Кроме того, агитационную деятельность революционных организаций сдерживало и активное цензурирование печатных источников, проводимое царским правительством.

Массив проблем, накопившихся в Российской Империи, царское правительство либо не решало вообще, либо решало крайне неэффективно и медленно. В таких условиях в российском обществе постепенно приходило осознание необходимости более радикальных перемен, которые смогут принести положительные результаты в ближайшее время. Огромная, неповоротливая и бюрократизированная государственная машина на такие перемены была неспособна. В таких условиях инициатива проведения перемен переходит в руки простого народа, который формирует подпольные организации для борьбы с режимом. Ввиду описанной выше неэффективности агитации и других мирных методов сопротивления, эти организации переходят к насильственным методам. Своей целью они провозглашают ликвидацию монархии в Российской империи. Различные революционно-террористические организации начинают свою борьбу с ликвидации крупных государственных чиновников, министров, крупных промышленников и помещиков, являющихся опорой царской власти. По мнению революционеров, уничтожение таких высокопоставленных особ дестабилизирует и ослабит государственную власть и поможет подобраться уже к самому государю-императору.

Накалу обстановки в обществе способствуют ещё и ответные действия царской охранки, которая пытается подавлять протестные и оппозиционные элементы российского общества. Апогеем этого стал расстрел шествия петербургских рабочих в 1905 году, вошедший в историю как «кровавое

воскресенью». Тем не менее, подавление революционных настроений не достигло своей цели, а лишь наоборот подстегнуло и вдохновило следующие поколения революционеров на еще более жестокую и активную борьбу с монархией.

В целом, можно выделить два ярко выраженных пика революционного терроризма: на рубеже 1870—1880-х гг. и в начале XX века с особым кризисным периодом Первой русской революции 1905—1907 годов[43].

Окончание эпохи революционного терроризма относят к Февральской революции 1917 года, когда революционная и террористическая деятельность в конечном итоге привела к крушению Российской монархии. Американский историк А. Гейфман же расширяет хронологические рамки революционного терроризма в России до июля 1918 года, то есть до расстрела большевиками царской семьи Николая Романова в Екатеринбурге[44].

Таким образом, революционное движение в Российской империи было порождено незавершенностью реформ 1860-х годов, а также неспособностью царского правительства адекватно и своевременно реагировать на возникающие проблемы российского общества. Нежелание со стороны государства идти на дискуссию с протестным элементом, жёсткая репрессивная политика по отношению к революционерам, а также провал революционной агитации в народной среде вызвали к жизни крайнюю и самую радикальную форму революционной борьбы – терроризм.

Всплески революционного терроризма были напрямую связаны как с утверждением в общественном сознании идеи правомерности использования насилия в борьбе против царизма и героизацией самих террористов, так и с притоком финансовых средств от неравнодушных граждан, которые щедро финансировали революционную деятельность и помогали в организации терактов.

---

[43] Будницкий О.В. Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях – М., 2001. – С. 47.

[44] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997. – С. 102-103.

1.2. Практика революционного терроризма в Российской империи: организации и участники

Вторая половина XIX века характеризуется постепенными метаморфозами в сознании российского обывателя. Происходит постепенная секуляризация сознания, а также осознание широкими массами крестьянства своей самоценности. Всё это приводит к десакрализации образа царя, пониманию, что проводимая им политика не служит интересам подавляющего большинства населения и не оправдывает его чаяния. Как итог: постепенно происходит радикализация широких народных масс, зреет недовольство и возмущение, которое со временем институционализируется. Складываются революционные организации, которые в качестве собственной доктрины выбирают путь насильственного свержения самодержавия и революционного преобразования общества.

В 1860-х годах в Российской империи формируется народническое движение, изначально ставившее перед собой цель сближения интеллигенции с простым народом. Однако оно было весьма неоднородным и состояло из нескольких течений. Со временем из наиболее радикально настроенных представителей народничества сформировалась одна из первых революционных организаций Российской империи: «Земля и воля».

Она была создана в Петербурге в 1861 г. братьями Н. и А. Серно-Соловьевичами, А. Слепцовым, Н. Обручевым, и др. под влиянием идей Н. Чернышевского, А. Герцена и Н. Огарева. Была связана с лондонской редакцией «Колокола». Общество занималось издательской деятельностью, распространяло листовки, печатало журнал и т.д.

Организации «Земли и воли» существовали также в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Перми, на Украине и др. Они выступали за «право каждого на землю и выборное и федеральное правительство», в своих заявлениях поддержали польское восстание 1863 – 1864 гг. В условиях репрессий к весне 1864 г. «Земля и воля» распалась. Одноименная организация возникла после «хождения в народ» в 1876 г. в Петербурге. В

нее вошли М. и О. Натансон, А. Михайлов, Г. Плеханов, Д. Лизогуб, В. Осинский и др., позднее к ней присоединились бывшие чайковцы Н. Морозов, С. Степняк-Кравчинский, Л. Тихомиров, С. Перовская, и другие.

Одними из главных пунктов программы «Земли и воли» были:

- Переход всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного её распределения
- Полнейшая свобода вероисповеданий
- Разделение Российской империи на части соответственно местным желаниям
- Дезорганизация силы государства.
- Организация элементов недовольства в народе и пропаганда революционных настроений

Одним из ключевых методов осуществления задуманного для землевольцев был терроризм, который рассматривался как действия, направленные на дезорганизацию правительства. Поначалу терроризм не занимал ведущую роль в их деятельности и рассматривался только как орудия отмщения или самозащиты. Однако со временем расхождения между только лишь дезорганизаторской теорией и радикализирующейся практикой, диссонанс в сознании революционеров усиливались всё явственнее.

Разочаровавшись в эффективности пропагандистской деятельности, не приносящей ощутимых результатов, часть землевольцев переходит к активному применению террора в политической борьбе. Появляются различные террористические кружки землевольцев, среди которых был и кружок В.А. Осинского – Д.А. Лизогуба, действовавший в Киеве и Одессе и организовавший ряд громких убийств царских чиновников и полицейских.

Переход части землевольцев к терроризму (убийство Н. Мезенцова С. Степняком-Кравчинским и Ф. Трепова В. Засулич), стремление части участников бороться за политическую власть привели к острым противоречиям на Воронежском съезде 18 – 21.06.1879 г. (сторонники политической борьбы собрались также на отдельном Липецком съезде) и

расколу организации в августе 1879 г. на «Народную волю» и «Черный передел».

Покушение А.К. Соловьева на Александра II вновь обострило борьбу между двумя фракциями «Земли и Воли» («Народной волей» и «Чёрным переделом»). Это опять поставило в повестку дня вопрос о расколе, что отразилось и на работе редакции: между ее членами возникали постоянные столкновения и разногласия. Борьба нового направления – "политиков" со старыми, анархическими установками «деревенщиков» нашла свое отражение в землевольческой публицистике. Назревала необходимость в созыве съезда партии.

В этой связи интересно проследить отношение землевольцев к террористической борьбе, выраженное в первых номерах журнала. В одной из статей первого номера «Земли и Воли» за 1878 г. говорилось: «С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать в среде народа. Террористы – это не более как охранительный отряд, назначение которого – оберегать этих работников от предательских ударов врагов»[45]. Так писал С.М. Кравчинский (Главный редактор «Земли и воли» – программного документа народовольцев), который до этого (4 августа 1878 г.) совершил убийство Мезенцова. В статье отражались не столько его личные взгляды, сколько взгляды многих землевольцев, стоявших на принципах программы 1877 – 1878 годов.

С конца 1878 г. и, особенно, в начале 1879 г. все больше сказывалась разница между теоретической частью программы «Земли и Воли», в которой терроризму отводилось второстепенное место, и практической деятельностью землевольцев, часть которых все более склонялась к необходимости терроризма как основного средства действий.

[45] Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах). – М., 1965. – Т.2. – С. 46.

Разногласия в редакции «Земли и Воли» особенно обострились после отъезда за границу С.М. Кравчинского (ноябрь 1878 г.) и ареста Д. А. Клеменца (февраль 1879 г.). Сторонники терроризма усиливали пропаганду и одновременно с журналом начали издавать «Листок» «Земли и Воли». Была образована редакционная коллегия «Листка», состоявшая из трех человек: Л.А. Тихомирова, Г.В. Плеханова и Н.А. Морозова (после Воронежского съезда Г.В. Плеханов вышел из состава редакции). Руководящие статьи «Листка» провозглашали политическое убийство как «осуществление революции в настоящем». Основные статьи и хроника всех шести номеров были посвящены «политическим убийствам». Однако, когда вышел последний номер «Листка» (14 июня 1879 г.), «Земля и Воля» находилась уже накануне раскола.

Крен в сторону терроризма делает и журнал. В пятом номере «Земли и Воли» в статье «Отголоски 2 апреля 1879 г.» (посвященной выстрелу Соловьева) говорилось: «Правительство объявляет себя в опасности, объявляет открытую войну уже не одним революционерам, а всей России. Пусть будет так... Мы знаем - много отдельных личностей из нашей среды погибнет, но гибель единиц не страшна для партии, когда весь ход истории ведет к революции. ...Мы принимаем брошенную нам перчатку, мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы ни погибло с нашей стороны»[46]. Пятый номер «Земли и Воли» был последним, хотя редакция и обещала, что следующий выпуск журнала выйдет в конце лета.

Осенью после Липецкого и Воронежского съездов вместо «Земли и Воли» стал выходить новый орган – «Народная воля». С этого времени, как отмечал О.В. Аптекман, «террористическая деятельность становится верховным принципом революционной тактики вообще, а цареубийство – лозунгом». Ознакомление с землевольческой журналистикой позволяет четко

[46] Кравчинский С.М., Клеменц Д. А., Плеханов Г. В. Отголоски 2 апреля 1879 г. // Земля и воля. – СПб., 1879. – С. 12.

проследить эволюцию теоретических воззрений и революционной практики народников, которые постепенно освобождались от пут анархизма и вставали на путь политической борьбы.

Уже в конце 1870-х годов в партии всё активнее созревал раскол по идеологическому признаку: одно крыло продолжало оставаться верным старым чисто народническим тенденциям, а другое стало вести более реакционною деятельность, связанную с применением насилия и ведения террористической деятельности. В 1879 году партия окончательно раскололась на две части: первое крыло стало «Чёрным переделом», а второе сформировалось в «Народную волю».

«Народная воля» – это революционная народническая организация, которая возникла после раскола организации «Земля и воля» в 1879 году. Организационное оформление партия получила на Липецком съезде в июне 1879 года.

Народовольцы считали, что русский народ находится в рабстве у капиталистов-эксплуататоров, защищаемых и поддерживаемых государством и царём. Следовательно, если именно царизм является гарантом стабильности и неприкосновенности сложившейся системы, где народ подневолен, то он и является главным виновником всех бед, а следовательно, ради достижения всеобщей справедливости, должен быть отстранён от власти. Буржуазное государство, согласно народовольческой идеологии, держится исключительно на насилии и подавлении всех неугодных, поэтому противостоять ему мирным путём – неэффективно, а иногда и попросту невозможно, что и подтвердила практика неудачного «хождения в народ».

Программа «Народной воли» воплотила в себе традиционные для русского народничества идеи свободы, независимости мира и федерализма, выдвинутые еще Герценом, затем нашедшие свое развитие у Бакунина и ставшие составной частью программ почти всех революционных организаций народничества. В то же время программа «Народной воли» вполне индивидуальна. В ней политическая борьба четко определяется как

генеральная задача партии, а заговор с целью политического переворота – как главный метод борьбы.

Народовольцы в начале своего движения относились к терроризму отрицательно, предпочитая мирный путь преобразования страны и не позиционируя себя как террористическую организацию, однако признавали его (терроризм) как крайнюю меру. Они видели свою деятельность, как борьбу за освобождение русского народа от самодержавного деспотизма, чиновничье – помещичьего гнета, бесправия и нищеты. Ф.М. Достоевский в «Бесах» выражает свое опасение по поводу деятельности подобных организаций и все более нарастающей скрытой угрозе[47].

Такую же угрозу увидело и правительство царской России, что выразилось в неизбежном закручивании гаек в развернувшейся антинародовольческой кампании. Тогда же стало ясно, что монархия не пойдет на ограничение собственной власти, поэтому ставка «народовольцев» была сделана не на реформы, а на революцию. Ответ «Народной воли» на репрессии не заставил себя ждать. Часто они даже не стремились покидать места преступления, чтобы намеренно выступить с обличительной антиправительственной речью в суде (суд был одним из немногих общественных мест, где народовольцы могли получить слово).

Народовольцы утверждали, что «террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, поднимать, революционный дух народа и веру в успех дела и формировать годные к бою силы»[48].

[47] Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. – М., 1982. – Т.7. – С. 265.
[48] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. – М., 2000. – С. 216.

«Народная воля» не собиралась быть оторванной от масс организацией узкой группы заговорщиков. Заговору или народной революции должна была предшествовать пропаганда политических идеалов партии и агитация за претворение их в жизнь: требование созыва Учредительного собрания, реформ, организация сходок, демонстраций, петиций и т. д. Только после этого в программе говорится о терроре. Террор, ставший в жизни партии главным средством борьбы с самодержавием, в программе ее занимал далеко не первое место и мыслился как мера оборонительная, агитационная и революционно-воспитательная. Народовольцы считали, что удобнее для будущего восстания воспользоваться народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, обострением европейской политики или другими подобными обстоятельствами. Но также они верили в возможность искусственного создания условий для восстания. Они полагали, что если удачными террористическими актами уничтожить 10 – 15 человек – «столпов правительства», то последнее охватит паника, а народные массы будут возбуждены. Провинции или должны прийти на помощь, или быть нейтрализованы; восстание следует обезопасить от помощи правительству со стороны европейских держав. Первым и главным, «застрельщиком» восстания должна быть, по мнению народовольцев, интеллигенция. Народ рассматривался как вспомогательная сила. Партии заговорщиков отводилась роль ударной силы.

Местные группы «Народной воли», число которых по отдельным данным насчитывалось до 20, были созданы в таких городах, как Москва (наиболее сильная и организованная), Одесса, Харьков, Киев, Нежин, Могилев, Казань, Саратов, Ярославль. В 1881 г., местные группы стали разрабатывать свои уставы. В целом Исполнительный Комитет с его местными группами представлял собой централизованную и хорошо законспирированную организацию революционеров-заговорщиков.

В течение одного года «Народная воля» превратилась в могущественную организацию, руководящим органом которой был

Исполнительный комитет. С августа 1879 г. по 1 марта 1881 г. в состав Исполнительного Комитета входил 31 человек (Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер и др.). Вокруг этого боевого штаба организации сложилась система агентов, специальных и местных групп, охвативших широкую периферию России. Большинство членов «Народной воли» находилось на нелегальном положении и были профессиональными революционерами. Главной задачей народовольцев было убийство императора Александра II. Они совершили пять покушений на него, и только покушение, совершённое 1 марта 1881 года, позволило им достичь своей цели. Однако это, фактически, стало началом конца «Народной воли». Её руководители были арестованы и по приговору суда казнены. Всего же к суду по делу народовольцев было привлечено более 10 тыс. человек[49]. От столь масштабных репрессий российское народничество уже не оправилось.

Кроме того, народничество как идеология, к началу XX века исчерпала себя, так как крестьянская община, на которую делала ставку «Народная воля», перестала существовать. Капитализм и товарно-денежные отношения бурно развивались в России, все глубже проникая во все сферы жизни общества. На смену народничеству пришла социал-демократия.

«Народная воля» опробовала различные формы и методы политической борьбы. В конце концов, она пришла к пониманию какой должна быть революционная организация и как она должна выстраивать свою деятельность и агитационную работу. Этот бесценный опыт переняли уже следующие поколения революционеров.

В 1863 г., когда еще не сложила своего оружия партия «Земля и воля», в Москве стала зарождаться новая революционная организация, известная в исторической литературе под названием ишутинцев. Инициатором создания и руководителем ее был Николай Андреевич Ишутин, сын пензенского почетного потомственного гражданина. Сначала вокруг него сложился

[49] Куклин Г. А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862-1902). – Женева, 1903. – С. 445.

кружок земляков-пензенцев в составе Д. Юрасова, М. Загибалова, Н. Страндена, П. Ермолова. К пензякам вскоре присоединились владимирцы – П. Николаев и В. Шаганов. В исторической и мемуарной литературе ишутинцы называются учениками, страстными приверженцами и последователями Н. Г. Чернышевского. Если «Земля и воля» стремилась к осуществлению политических целей, то ишутинцы подчеркивали первостепенную важность экономического переворота. В отличие от «Земли и воли» ишутинцы первоначально были намерены добиваться своих целей с помощью легальных средств, организуя, по примеру Веры Павловны, героини романа Чернышевского «Что делать?», различного рода мастерские-артели. Они находились под большим впечатлением от романа, дышали его атмосферой, жили мыслями его героев[50].

Все попытки использовать мирные и легальные средства для распространения социалистических идей почти никаких практических результатов не дали. Они лишь убедили ишутинцев в необходимости переходить к более радикальным средствам деятельности. Перелом начался в 1865 г., когда первоначальный кружок значительно расширился за счет притока в него новых сил. Теперь общество получило название «Организация» и мыслилось как центр революционных сил России.

Ишутинский кружок — явление прелюбопытное. В бумагах Ишутина нашли набросок, нечто вроде проекта тайного общества с пугающим названием «Ад». Вот что там было написано: «Член «Ада» должен жить под чужим именем и бросить семейные связи; не должен жениться, бросить прежних друзей и вообще вести жизнь только для одной исключительной цели. Эта цель — бесконечная любовь и преданность родине и её благо, для неё он должен потерять свои личные наслаждения и взамен получить и средоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой

[50] Корнилов А.А. Общественные движения при Александре II (1855 – 1881). – Париж, 1905. – С. 167.

стороной жизни»[51]. Прежде всего, члены «Ада» поставили себе цель убийства императора. Террорист обязан был иметь при себе революционные прокламации с объяснением цели цареубийства и держать в зубах шарик ртути для того, чтобы покончить с собой и таким образом не быть дезавуалированным. С другой стороны, члены «Ада» хотели поставить под свой контроль деятельность всех звеньев и лиц «Организации» и других революционных групп. В период революции революционеры не должны занимать высоких постов, «ибо высокие положения усыпляют энергию и деятельность человека»[52]. Идея создания «Ада» стала осуществляться с начала 1866 г. Она не успела претвориться в жизнь, но один из ее сторонников – Дмитрий Каракозов – попытался в одиночку совершить цареубийство в интересах революции.

Из двух революционных групп, действовавших в Петербурге и Саратове, ишутинцы чаще общались со столичными революционерами, группировавшимися в Петербургском университете вокруг И. А. Худякова. В петербургской группе, таким образом, на первый план выступила задача борьбы за политические свободы.

Ишутинская организация, возникшая в момент заката «Земли и воли», явилась выразительницей мыслей и дел революционеров того тяжелого времени, которое переживало русское освободительное движение после спада революционной ситуации 1859 – 1861 гг. и разгрома польского восстания 1863 г. Однако, лучшие представители молодежи России стали собираться и создавать новые отряды для борьбы за осуществление идеалов своих предшественников. В этом и состоит историческая заслуга ишутинцев.

Революционеры, анализируя прошедшие события, сделали вывод о неспособности народа проявить революционную инициативу. Но они не отвернулись от него и не сбросили его со счетов истории. Они решили, что этот темный, забитый и униженный народ сначала надо просветить,

[51] Клевенский М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. – М., 1928. – С. 94.
[52] Витюк В.В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М., 1987. – С. 211.

растолковать ему его задачи и тогда поднять на борьбу. Роль учителя и поводыря народа должна сыграть революционная интеллигенция. Утрата веры в народ как самостоятельную историческую силу снижала теоретический уровень мировоззрения непосредственных продолжателей дела Чернышевского и партии «Земля и воля».

Важнейшими участниками революционного процесса в Российской империи в XIX веке были также и различные анархические организации. Теоретическое и практическое содержание анархизма были всесторонне обоснованы в трудах Михаила Бакунина (1814-1876) и Петра Кропоткина (1842-1921). Они, в свою очередь? опирались на труды западноевропейских теоретиков анархизма, таких как Ш. Фурье, П. Прудон, М. Штирнер и тд.

М. Бакунин неоднократно рассматривал террор в контексте нравственного аспекта. Изначально он выступал против террора. В письме А.И. Герцену и Н.П. Огарёву Бакунин задавался вопросом: «Неужели кто-нибудь в мире, царь он или политический преступник, может безнаказанно творить мерзости?»[53] Однако, с течением времени, видя неэффективность агитационно-пропагандистской работы, Бакунин радикализировался. Он стал активно пропагандировать терроризм среди анархистов-революционеров. По его мнению, в предреволюционные периоды в обществе всегда есть личности, которые не могут сдерживать страсть к разрушению до наступления всеобщей революционной борьбы. Розыск и уничтожение политических врагов становятся повальной страстью вольнодумной молодёжи. Со временем террористические акты приобретают массовый характер и выливаются во всеобщее восстание. В конце 60-х годов Бакунина перестаёт тревожить нравственная сторона проблемы терроризма. Он нашёл оправдание терроризму, заявив, что: «Правительственное зверство… делает необходимым зверство народное»[54]. Это можно расценивать как призыв к индивидуальному терроризму. Обоснование Бакуниным необходимости

[53] Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.И. Огарёву. – СПб., 1906. – С. 173.
[54] Бакунин М. Постановка революционного вопроса // Речи и воззвания. – М., 1906. – С. 240.

террористических актов стало прообразом анархической теории «пропаганды действием», согласно которой насильственные действия против социально-политических институтов ведут к революционизации общества.

Несколько иных взглядов на правомерность применения терроризма придерживался другой видный идеолог анархизма – П.А. Кропоткин. В отличие от Бакунина, пальму первенства в революционной борьбе он отдавал не отдельным террористическим актам, а серьёзной и основательной агитационной работе. По его мнению, терроризм допустим только в самых крайних случаях[55].

Так какой же анархизм в конечном итоге возобладал в русском анархическом обществе: радикальный Бакунина или же более «мягкий» Кропоткина? Главную историческую роль сыграл всё-таки анархизм Бакунинский. Во многом потому, что был ориентирован именно на российское общество, в то время как анархическая теория Кропоткина была европейского характера. В своих работах Кропоткин почти не уделял внимания Российской империи, рассматривая плацдарм будущей революции, прежде всего, в Европе (во Франции). Только после первой русской революции 1905-1907 годов идеи Кропоткина стали оказывать идейное влияние на Россию. В то время как бакунинский анархизм был более адаптированным к Российским реалиям: и благодаря революционности, и благодаря учёту русского менталитета. Таким образом, отсутствие прямого призыва к революционному терроризму делало теорию Кропоткина безнадёжно устаревшей для русских анархистов, которые считали терроризм совершенно необходимым атрибутом революции.

Наиболее влиятельными идеологами и организаторами анархизма в России были Я.И. Кирилловский (Д.И. Новомирский), Б.Н. Кричевский, В.А. Поссе, Д. И. Новомирский, возглавлявший в 1905 – 1907 годах организации анархистов в Одессе, в брошюрах «Программа синдикального анархизма», «Манифест анархистов-коммунистов», в уставе

[55] Кропоткин П.А. Записки революционера. – СПб., 2011. – С. 116.

Всероссийского союза труда и программе «Южно-Русской группы анархистов-синдикалистов» последовательно изложил стратегию и тактику анархистов в России. Анархисты признавали только непосредственную, прямую борьбу рабочих с капиталом, а также бойкот, стачки, уничтожение имущества (саботаж) и насилие над капиталистами.

Наибольший размах анархический террор приобрёл уже в 1904 – 1905 годах, когда ими было осуществлено множество террористических актов, экспроприаций, грабежей и вооружённых восстаний. Помимо действительно политически мотивированных убийств, анархистами зачастую совершались убийства без причины или ради наживы. Большая часть участников анархического движения участвовала в подобных акциях по своей инициативе, не согласуя их с решением съездов или организаций.

Новый подъём революционного терроризма произошёл в начале XX века в условиях политического кризиса, вызванного отказом правительства от осуществления назревших реформ[56]. Обострение революционной ситуации, вызванное стремительным развитием капиталистического базиса с одной стороны, и отсталостью политической надстройки с другой, привело к появлению новых революционных организаций социалистического толка, активно использовавших терроризм в качестве инструмента политической борьбы.

Одной из влиятельнейших революционных организаций XX века стала созданная в 1902 году на базе предшествующих народнических организаций партия социалистов-революционеров. Лидером и одним из основателей партии был В.М. Чернов. Идеологически эсеры были наследниками народничества, однако придерживались концепции демократического социализма, предполагавшего наличие хозяйственной и политической демократии, выраженных через профсоюзы, коопсоюзы и демократическое государство в лице парламента и органов самоуправления.

[56] Ланцов С.А. Революционный терроризм в России // Террор и террористы: Словарь. – СПб. – 2004. – С. 5.

Партия эсеров официально включила терроризм в свою программу и, фактически, стала олицетворением революционного терроризма в XX веке. Именно она с помощью членов Боевой организации совершила множество чётко спланированных и, зачастую, успешных покушений на высокопоставленных царских чиновников Москвы и Петербурга.

Распространение марксизма в Российской империи также повлияло и на партию эсеров. Согласно марксистской доктрине, отдельный индивид не в состоянии как-то существенно повлиять на историческое развитие всего человечества. Только движение широких народных масс может привести к значимым политическим и экономическим изменениям. Соответственно, поскольку роль личности в истории весьма незначительна, индивидуальные политические убийства, пусть даже высокопоставленных и влиятельных лиц, не смогут кардинально изменить ситуацию и, по сути, бесполезны. Именно поэтому эсеры рассматривают индивидуальный терроризм только как вспомогательное средство политической борьбы, первостепенное значение уделяя революционизации и радикализации масс[57]. Подавляющее большинство террористических актов, совершённых эсерами, являются скорее актами возмездия за преступления против народа со стороны царизма.

В 1902 году ЦК партии эсеров организовал специальную боевую организацию, основной задачей которой являлись подготовка и проведение террористических актов против различных государственных деятелей и официальных лиц.

В отличие от «Народной воли», где одни и те же лица были и теоретиками, и организаторами, и террористами, лидеры партии эсеров считали, что в революционной борьбе необходим высокий профессионализм и узкая специализация. Именно поэтому революционеры из боевой организации партии должны были заниматься исключительно подрывной

[57] Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. – 1902. – № 7. – С. 84.

террористической деятельностью, держась подальше от всякой иной партийной деятельности.

Боевая организация партии эсеров была весьма законспирированной организацией, со своей иерархией и руководством, достаточно изолированной от остальных сопартийцев. Всё это приводило к несогласованности деятельности боевой организации и ЦК партии, влиятельные партийцы зачастую даже не имели представления о том, что происходит в боевой организации.

Члены боевой организации считали себя привилегированными, истинными революционерами, осуждали политиков, которые ничем не рисковали и умели только раздавать приказы из тёплых кабинетов, видели в терроризме нечто священное и сакральное. Такой революционный снобизм только усиливал размежевание в среде революционеров и консервацию боевой организации.

Всего в боевую организацию входило 78 человек. Руководителями её в разное время были такие именитые террористы, как Борис Савенков, Григорий Гершуни и Евно Азеф. Никто из них особо не интересовался теоретическими выкладками революционного дела, предпочитая практику. То же касалось и рядовых членов партии. И тем не менее, в среде членов боевой организации партии эсеров сложилась весьма тёплая и дружественная атмосфера и солидарность её участников в борьбе за общее дело.

После того, как Гершуни был арестован, закончился первый период в истории Боевой организации. Ей пришлось заменять арестованных членов и менять свою тактику, приспосабливая к новым техническим средствам и новому руководству. Так, например, члены Боевой организации отказались от револьверов в пользу динамита.

В мае 1903 года Борис Савинков заменил Гершуни на посту руководителя боевой организации. Именно под его руководством организация осуществила два своих самых громких политических убийства: министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича.

После роспуска 1 государственной думы и возобновления ненадолго прерванной террористической деятельности, боевую организацию всё чаще стали преследовать неудачи. Один за другим провалились покушения на председателя совета министров П.А. Столыпина, петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница, министра юстиции М.Г. Акимова. Причиной неудач стала непрекращающаяся полицейская слежка, аресты и отсутствие эффективной коммуникации с руководством партии. В итоге, к началу 1907 года Боевая организация распалась окончательно и больше в своем прежнем виде уже не воскресала[58].

Ещё одной влиятельной политической организацией, практиковавшей революционный терроризм, была образованная в 1898 году из разрозненных марксистских организаций Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Со временем она раскололась на две фракции: большевиков и меньшевиков. Меньшевики с самого начала последовательно отвергали терроризм как метод политической борьбы.

Для Ленина, лидера фракции большевиков, вопрос об отношении к террору не был однозначным. Его позиция неоднократно менялась в зависимости от изменений его политических целей и первоочередных задач. До революции 1905 года Ульянов считал терроризм неэффективным средством борьбы. С активизацией антиправительственной деятельности в первую русскую революцию 1905 года, во время всеобщей анархии, Ленин осознал необходимость ведения скрытой партизанской борьбы с царизмом. Он отдавал приказы о подготовке террористических актов, которые ранее отрицал, призывая к нападениям на городовых и правительственных шпионов, чье уничтожение теперь было, по его мнению, долгом каждого порядочного человека[59].

Однако в большинстве случаев террористическая деятельность РСДРП(б) носила формат индивидуальных террористических актов, которые,

[58] Савинков Б.В. Избранное. – М., 1990. – С. 232.
[59] Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. – М., 1960. – Т. 33. – С. 113.

в основном, не контролировались партийным руководством и потому не были напрямую связаны с политическими целями и глобальной стратегией партии. Кроме того, в связи с отсутствием у большевиков аналога боевой организации эсеров, их террористические акты, как правило, носили анархический и неконтролируемый характер.

Основной мишенью для большевиков были лица, заподозренные в том, что они являются провокаторами, изменниками или полицейскими осведомителями. Более того, любой революционер, заподозренный своими сопартийцами, мог стать жертвой возмездия. Также жертвами большевистского терроризма становились и видные владельцы фабрик и предприятий, участвовавшие в разгоне стачек и забастовок, нередки были случаи избиения штрейкбрехеров. Месть тоже могла стать причиной убийства. Так, например, был убит тюремный палач, участвовавший в казни революционеров. Жертвами таких актов возмездия становились полицейские и казаки, которые участвовали в столкновениях с большевиками, занимавшимися агитацией и пропагандой.

Большевики предприняли несколько попыток сорвать правительственную военную мобилизацию, для чего они подкладывали взрывчатку на железные дороги[60]. Они также прибегали к индивидуальным терактам с целью помешать подготовке к голосованию в I Думу, которую социал-демократы решили бойкотировать, посчитав введение парламентаризма в России полумерой. Большевики активно практиковали захваты типографий с целью печати революционных листовок и стрельбу в полицейских во время обысков и арестов. Используя убийства в целях устрашения сторонников самодержавия, большевики также стремились посеять смятение и панику в правительственных структурах и таким образом помешать властям бороться с распространяющимся революционным насилием. Таким образом, террористические акты стали нормой не только

[60] Марцинковский А. Воспоминания о 1905 г. в г. Риге // Пролетарская революция. – 1922. – № 12. – С. 329.

для рядовых, но и для самых высокопоставленных партийцев. Терроризм виделся большевикам весьма эффективным инструментом в борьбе с царизмом, однако, как и в случае с эсерами, имел мало общего с идеологией и целями партии.

Резюмируя, можно сказать, что революционные организации в Российской империи были представлены достаточно широко. Всех их объединяла приверженность социалистическим идеям, чёткая иерархичная структура и активное использование терроризма в качестве инструмента достижения своих целей. Как показал опыт истории, терроризм является весьма эффективным способом дестабилизации политической обстановке в стране, а организованный и структурированный терроризм и вовсе представляет большую опасность для государства, вынуждая его всё чаще и чаще прибегать к насилию и подавлению радикальных элементов, что, в свою очередь, не только не купирует ситуацию, но наоборот способствует ещё большей эскалации революционных настроений в обществе.

Глава II. Коллективный портрет российских террористов дореволюционного периода

2.1. Происхождение и социальный состав террористов

Как уже было сказано в предыдущей главе, революционное движение в России активно прибегало к террористическим формам борьбы за свержение самодержавия. Среди участников революционных организаций было достаточное количество харизматичных и глубоко идейных террористов, оказавших огромное влияние на политический и социально-экономический климат в Российской империи. Именно их деятельность оказала огромное влияние ну судьбу партий, в которых они состояли, а также предопределило расстановку политических сил уже в постреволюционный период.

В данной главе будут рассмотрены 20 человек, занимавшихся революционным терроризмом. Данная выборка осуществлялась по принципу принадлежности данных лиц к революционным организациям и участию их в планировании, подготовке и осуществлении террористических актов. Среди множества таких лиц были выбраны наиболее знаменитые террористы, совершившие наиболее громкие и резонансные политически мотивированные убийства. На основе изученной информации об их биографиях и деятельности были выделены, систематизированы, а также сведены в таблицы данные, которые позволяют выявить сходство и различие в возрастном и социальном положении террористов дореволюционного периода, сравнить их революционный путь. Анализируя различные признаки, была предпринята попытка составить коллективный портрет русских террористов.

Как показал анализ биографий террористов, социальное происхождение их было весьма неоднородным. Проникались революционными социалистическими идеями, а затем становились на тернистый путь политического насилия, представители практически всех существовавших на тот момент в Российской империи сословий: дворянства, крестьянства и городских обывателей. Исключение составляло лишь

христианское духовенство, так как среди террористов мы не находим ни одного выходца из духовенства.

Однако, если мы рассмотрим судьбы террористов в контексте принадлежности их к различным революционным организациям, описанным в предыдущей главе, то увидим определённую тенденцию. Так, например, в организации «Земля и воля», а затем и в отмежевавшейся от неё «Народной воле» преобладали в основном выходцы из дворянских семей, госслужащих и интеллигенции. Объясняется это тем, что вдохновителями и создателями «Земли и воли» были представители столичной интеллигенции, философы и писатели А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, которые, наряду с другими представителями народничества, провозгласили целью своей деятельности сближение интеллигенции с народом для поиска своих корней и своего места в мире и в государстве. Труды Герцена и Чернышевского вовлекали в орбиту своего влияния множество представителей дворянских семей, интеллигенции и даже государственных служащих[61].

Например, Софья Перовская, уже в 19 лет примкнувшая к организации, была выходцем из богатой и знатной семьи, приближённой к императорскому двору. Дед, Николай Перовский, был внебрачным ребенком графа Алексея Разумовского – племянника фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Отец, Лев Николаевич, и вовсе был губернатором Петербурга. Алексей Михайлов же вырос в небогатой дворянской семье в городе Путивле. Его отец, Дмитрий Михайлович, служил землемером в земельном ведомстве Курской губернии. Николай Морозов – внебрачный сын богатого мологского помещика П.А. Щепочкина и его бывшей крепостной крестьянки А.В. Морозовой. Кроме того, среди предков Морозова были владельцы крупного имения Кондырёво и бумажной мануфактуры Т.Ф. Карамышева. Степняк-Кравчинский был сыном военного врача в одном из Украинских сёл, обладавшего дворянским титулом и знатной родословной. Александр

[61] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX - начало XX в. – М., 2000. – С. 48.

Ульянов, брат В.И. Ленина, родился в семье действительного статского советника И.Н. Ульянова, сделавшего блестящую карьеру в государственных органах. Каракозов был родом из мелкопоместных пензенских дворян. Вера Засулич, хоть и родилась в семье обедневших польских дворян-переселенцев, после смерти отца была отдана на воспитание богатым родственникам, вследствие чего на протяжении своего взросления ни в чём не нуждалась.

Сходная ситуация была и в ишутинской организации. Сам Ишутин родился в семье потомственного почётного гражданина города Сердобска, однако рано осиротел и воспитывался уже в семье мелкопоместных дворян Каракозовых. В организованный им одноимённый кружок вошли его земляки-пензенцы, которые также выросли в состоятельных семьях города.

Среди рассматриваемых террористов второй половины XIX века «белыми воронами» в плане происхождения были лишь Андрей Желябов, происходивший из семьи крепостных дворовых крестьян, и лидер организации «народная расправа» Сергей Нечаев, который родился и вырос в семье крепостных, но с дворянскими корнями: отец Сергея – Геннадий был внебрачным сыном помещика Петра Семёновича и его крепостной крестьянки Фатины Алексеевой. Тем не менее, семья Нечаева смогла выкупиться у помещика и перейти в мещанское сословие.

Многие исследователи отмечают, что ко времени Первой русской революции 1905 – 1907 гг. социальный состав террористов начинает меняться. В него всё активнее начинают включаться представители крестьянского сословия, рабочие и городские обыватели. Связано это было с тем, что анархическое движение, ставшее весьма популярным на рубеже веков, делало ставку на безработных и люмпен-пролетариев, из числа которых планировали создавать боевые отряды для борьбы с буржуазией и царизмом. Уже весной 1905 года в анархической среде возникает движение анархокоммунистов-«безначальцев», полностью отказавшихся от легальных форм политической борьбы и перешедших к террору и экспроприациям. В следующем году выделяется ещё одна группа: анархокоммунистов-

«чернознаменцев», пропагандировавших немотивированный антибуржуазный терроризм. Социальной базой этой группы были в основном рабочий класс, крестьяне и свободные городские ремесленники[62]. Идею рабочего заговора против буржуазии пропагандировали также и махаевцы, появившиеся в конце 1890-х годов и влившиеся в ряды анархистов[63].

Один из самых известных лидеров анархического движения, Нестор Махно, наряду со множеством других анархистов был выходцем из крестьянской семьи, ведущей свою родословную от закрепощённых запорожских казаков, в связи с чем в юности вынужден был работать батраком на помещиков и кулаков. Другая известная анархистка, Фанни Каплан, хоть и не была крестьянской дочкой, но выросла в небогатой семье еврейского учителя начальной школы. Исключение составляет лишь Д.Г. Богров, который был сыном богатого домовладельца с состоянием в полмиллиона рублей.

В целом, по данным В.Д. Ермакова из выборки в 300 человек, идентифицирующих себя как анархисты, в период Первой русской революции рабочие всех категорий составляли 63%, учащиеся – 17%, служащие – 11% и только 3% интеллигентов[64].

Несмотря на то, что партия социалистов-революционеров сформировалась на базе различных народнических организаций, состоявших, как мы выяснили, в основном, из представителей дворянства и интеллигенции, в неё активно начинают вступать и представители крестьянства и городских ремесленников. Среди них оказались Г. Гершуни, С. Балмашёв и Е. Азеф. Были среди эсеровских террористов и выходцы и чиновничьих семей, например И. Каляев и Б. Савинков.

---

[62] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997. – С. 64.

[63] Рублев Д.И. Диктатура интеллектуалов? Проблема «Интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX – начала XX веков. – М., 2010. – С. 103–106.

[64] Там же. – С. 107.

Как видно из таблицы 1, национальный состав террористов был представлен, в основном, этническими русскими[65]. Однако, помимо русских ряды террористов активно пополняют и представители этнических меньшинств Российской империи. Связано это было с существовавшим в то время в Российской империи русским национализмом, который нередко выливался в массовые погромы представителей этнических меньшинств, в частности, евреев. Поражение в экономических правах, ограничение социальной мобильности, провокации антисемитских выступлений становятся мощными факторами для масштабной вовлечённости еврейской молодёжи в революционно-террористическое движение. По данным А. Гейфман, в начале XX века евреи составляли 50% всех представителей революционных партий, что существенно отличалось от ситуации 1870-х годов, когда их пропорциональное отношение отражало национальную структуру России[66]. Среди партии эсеров до 30% всех участниц составляли еврейки[67]. Однако в среде террористов процент евреев значительно ниже. Среди рассматриваемых нами известных террористов евреями были только четверо: Ф. Каплан, Е. Азеф, Д. Богров и Г. Гершуни. Отдельно стоит упомянуть этническую полячку В. Засулич и украинца Н. Махно.

Что касается половозрастного состава, то основную массу террористов составляли мужчины. Доля женщин-террористок составляла около 30%. Так, среди 78 членов боевой организации партии эсеров женщинами были 25 человек[68]. Среди привлечённых к следствию «первомартовцев» женщин было 20% (38 человек). Большинство террористов вступали на путь политического насилия в юношеском, а, иногда, и в подростковом возрасте. Согласно А. Гейфман, примерно 22% всех террористов-эсеров были в возрасте от 15 до 19 лет, 45% – в возрасте от 20 до 24; среди анархистов

[65] Приложение 1. Таблица 1. Происхождение и социальный состав террористов.
[66] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. – М., 1997. – С. 19.
[67] Там же. – С. 47.
[68] Knight E. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary party // The Russian review. 1979. – Vol. 38. – № 2. – P. 144-146.

несовершеннолетние, которым, зачастую, было не больше 14 лет, встречались ещё чаще[69]. Был даже создан в Белостоке в 1905 году боевой отряд школьников – членов социалистов-революционеров. Наличие большого количества юных и неопытных террористов провоцировало стихийный и, зачастую, немотивированный террор. При рассмотрении биографий известных террористов конца XIX – XX веков, можно увидеть, что большинство из них погибло от рук карательных органов в возрасте менее 30 лет. Исключение составляют лишь Н. Махно, Е. Азеф, Г. Гершуни, Б. Савинков, В. Засулич и Степняк-Кравчинский, которым в силу тех или иных обстоятельств удалось избежать казни. Резюмируя, можно сказать, что террорист в Российской империи – это молодой человек лет 20 – 25.

Во второй половине XIX начинается процесс секуляризации сознания: отпадение народа от церкви принимает пугающие для РПЦ и государства масштабы. Не обходит стороной он и русских террористов. Террористы, как правило, воспитывались в достаточно религиозных семьях. Например, Е. Сазонов вспоминает, что «тот дух, которым я был пропитан, пока находился всецело и единственно под влиянием семьи, был в высшей степени враждебен какому-либо протесту или недовольству строем жизни русской. Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца»[70]. Однако, со временем они стали противниками церкви, видя в ней опору государства и существующего правящего класса, сохраняя, тем не менее, общую приверженность христианским ценностям.

Серьёзным ударом для православных убеждений основной массы террористов стала непосредственно их деятельность, предполагающая убийства и грабежи других людей, что не очень-то коррелировало с христианскими ценностями. Естественно, у них возникла потребность как-то оправдать применение террора, примирить религиозность и собственное поведение. Попытку решить столь сложную моральную дилемму мы можем

[69] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. – М., 1997. – С. 240 – 241.
[70] Созонов Е.С. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. – М., 1925. – С. 9-11.

наблюдать в письмах эсера-террориста Е. Созонова к родным: «Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя кровью… Вы часто упрекали, что я, вкусивши науки, позабыл о боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и мое вечное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь потому-то я совершил дело, что чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой бог – требовали этого от меня. Мог ли я ослушаться?.. Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моею религиею… Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа»[71].

Таким образом, леворадикальная молодёжь стала носителем своеобразного религиозного суррогата, сочетающего с одной стороны, приверженность христианской этике, подразумевающей любовь к ближнему и самопожертвование, а с другой, безграничную веру в народ и социальную справедливость, ради достижения которой можно и поступиться некоторыми религиозными принципами. В итоге, у революционеров-террористов формировались нравственные установки на самоотречение вплоть до полного растворения личности в идее служения народу и общественному прогрессу. Террористам успешно удавалось вплетать моральный облик своей деятельности в контекст православной этики. Показателен пример террориста И. Каляева, который даже перед покушением на великого князя Сергея Александровича всячески демонстрировал религиозный фанатизм: молился, держа в одной руке бомбу, а другой творя крестное знамение[72]. Значительная часть террористов и вовсе стала атеистичной. Так, например, В. Засулич утверждала, что уже в юношеском возрасте «не верила в бога, и легко рассталась с этой верой»[73]. И, тем не мене, атеизм не означал отказа от ряда важных для христианства представлений.

[71] Созонов Е.С. Письма Егора Созонова к родным. 1895-1910 гг. – М., 1925. – С. 84.
[72] Гончарова Е.И. «Революционное христианство»: письма Мережковских к Борису Савинкову // Русская литература. – СПб., 2005. – С. 20.
[73] Засулич В.И. Воспоминания. – М., 1931. – С. 14.

2.2. Формирование мировоззрения и деятельность террористов

Все рассматриваемые нами террористы вне зависимости от происхождения получали образование на гимназических или университетских курсах. Так, Перовская обучалась на Аларчинских курсах, где получали образование эмансипированные женщины из хороших семей, затем поступила уже на фельдшерские курсы; Михайлов - в Технологическом институте Петрограда; Степняк-Кравчинский обучался в Петербургском лесном институте; Ульянов – в Симбирской классической гимназии, по окончании которой поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского императорского университета; Каракозов вообще успел поучиться аж в двух университетах: Казанском и Московском и т.д.

Как в дальнейшем будет показано, гимназическое и университетское образование оказало существенное влияние на мировоззрение террористов, помогло им эффективно наладить агитационную и пропагандистскую деятельность и организовать выпуск печатной продукции, такой как журнала «Вестник народной воли» или белорусской газеты «Гомон», что было бы невозможно без обладания навыков чтения и письма, полученных в институтских стенах[74].

У большинства террористов знакомство с революционной идеологией произошло в университетах и гимназиях, что неудивительно, так как именно они были местом концентрации различных вольнодумцев и радикалов. Институтское и университетское образование прививало студентам азы критического и научного мышления, что негативным образом сказывалось на их религиозном и патерналистском мировосприятии, подрывало веру в «доброго царя» и открывало глаза на истинные причины социально-экономических проблем в Российской империи. Кроме того, в институтских стенах активно тиражировалась революционная литература: труды

[74] Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 гг. – М., 1978. – С. 124.

декабристов, петрашевцев, Герцена, Чернышевского, Бакунина, Кропоткина, Маркса и Энгельса с упоением зачитывались студентами на досуге в специально организованных социалистических кружках, заражая их нигилистическими взглядами на жизнь. Собрания и сходки социалистических кружков, как правило, запрещались руководством институтов, что, по принципу реверсивной психологии, только усиливало интерес учащихся к революционной литературе.

Вольнодумная литература оказала сильнейшее влияние на формирующиеся революционные умы, террористы вдохновлялись образами героев из этих книг, пытались им подражать. Яркий пример тому – С. Нечаев, который спал на голых досках и жил на чёрном хлебе и воде в подражание аскету-революционеру Ахметову из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»[75]. Показателен пример Н. Морозова, который под впечатлением от ознакомления и прочтения запрещённых зарубежных журналов «Вперед» и «Отщепенцы» писал: «Мне казалось, что целый новый мир открылся пред моими глазами, и сколько в нём было чудесного и неожиданного! Эти страницы я перечитывал по нескольку раз и почти заучил наизусть. Их смелый и прямой язык, сыплющий укоры земным царям, казался мне проявлением необыкновенного, идеального геройства. Вот люди, мечтал я, за которых можно отдать душу!»[76]. Нелегальная публицистика и периодика того времени формировали у террористов идеалы самопожертвования и беззаветной преданности своему народу и однопартийцам; формировали убеждённость в несправедливости существующего миропорядка, в основе которого лежало социальное неравенство; культивировали ненависть и презрение к царю, министрам, полицейским и другим представителям государственной власти. Эти идеалы, собранные в одном человеке, формировали из него террориста, готового раз за разом прибегать к

[75]. Лурье Ф.М. Нечаев. – М., 2001. – С. 143.
[76] Морозов Н.В. начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого. – М., 1907. – С. 120.

политическому насилию, которое воспринималось как достойная плата за построение справедливого общества на социалистических началах.

Кроме того, в университетах террористы знакомились с анархистами и народниками, проникались их идеологией построения справедливого общества, а также принимали активное участие в студенческом движении. Начиналось оно с борьбы против реакционной политики царизма в области университетского образования и было направлено на отстаивание академически корпоративных прав и свобод, однако с течением времени эволюционировало и провозгласило своей целью свержение монархической власти. Студенческие волнения выражались в форме бойкота лекций неугодных консервативных профессоров, саботировании решений руководства институтов, составлении коллективных петиций с изложением своих требований, участии в забастовках и манифестациях. Эти выступления способствовали пробуждению и росту политического самосознания не только среди большинства студентов, но и в народных массах.

Конечно, институтское руководство крайне неодобрительно относилось к актам студенческого неповиновения. Манифестации разгонялись при помощи полиции, вольнодумная литература запрещалась и конфисковывалась, а к самим участникам волнений применялись самые строгие санкции, вплоть до отчисления. Так, например, в 1871 году был исключён из университета без права на восстановление, а затем выслан из города Желябов, возглавивший студенческие волнения, вызванные оскорбительным поведением преподавателя Богишича. Аналогичным образом в 1899 году за организацию студенческой забастовки был отчислен и выслан в Екатеринослав И. Каляев. Та же судьба постигла Б. Савинкова, Е. Сазонова, А. Михайлова и С. Балмашёва. Однако, не всегда причиной отчисления был факт участия в студенческих протестах. Ряд террористов, в том числе С. Халтурин и Н. Морозов были отчислены за неуспеваемость или неуплату обучения.

Резюмируя, можно сказать, что подавляющему большинству террористов так и не удалось закончить обучение в университетах и институтах и получить высшее образование. Исключение составляет лишь Д. Богров, закончивший в 1910 году Киевский университет, и Г. Гершуни, получивший профессию провизора на фармацевтических курсах того же университета. Не получили систематического образования также и те террористы, которые официально в институтах не числились, но были вольнослушателями (например С. Нечаев и Н. Морозов).

Жестокая репрессивная политика государства, ограничения свободы слова в виде запретов на пропаганду социализма, неудачи агитационной работы в революционной борьбе вынудили студентов, заразившихся революционными идеями, встать на путь применения насилия для достижения своих целей. В этой связи показательны слова А. Михайлова, утверждавшего, что «когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки[77]».

Кроме того, многие революционеры обратились к идее террора в результате неурожая и голода 1891 года, а также последующих эпидемий тифа и холеры, которые только усугубляли общую нищету русских деревень[78]. Среди направленных в деревню добровольцев помимо городской интеллигенции были и студенты, отправившиеся на помощь голодающим[79]. Бедственное положение крестьянства и произвол местных властей оказывали гнетущее впечатление на прибывших студентов, уже заражённых бациллами революционизма. Радикальная молодёжь предприняла попытку вызвать новую волну революционной активности, направив недовольство голодающих в русло борьбы с царским режимом. Они формировали революционные кружки в затронутых неурожаем районах, распространяли

[77] Прибылева-Корба А.П. Народоволец А.Д. Михайлов. – Л., 1925. – С. 157.
[78] Robbins Richard G., Jr. Famine in Russia, 1891-1892 : The Imperial Government Responds to a Crisis. – New-York, 1975. – Pp. XIV. – 262 p. – URL: academic.oup.com (Дата обращения 08.04.2020).
[79] Там же. – URL: academic.oup.com (Дата обращения 08.04.2020).

антиправительственную литературу. Однако крестьянство относилось к городским пришельцам недоверчиво, а зачастую и вовсе агрессивно, представляя, таким образом, противоположность «сознательной революционной силе». Это заставило многих революционеров усомниться в своей способности мобилизовать пассивные массы русского крестьянства. Многие из тех, кто пытался поднять крестьян в 1890-х гг., стали искать новые методы и пути ведения революционной борьбы. Они вернулись к мысли о том, что для обеспечения участия в революции широких народных масс необходимо создавать революционную ситуацию с помощью индивидуального террора[80]. Вспоминая те события и роль А. Михайлова в них, известная террористка В. Фигнер пишет: «Слава русской учащейся молодёжи, понявшей умом и чутким сердцем безвыходное положение народа, который мучился, стонал, и начинал вырождаться! Слава А. Д. Михайлову, который шёл в первых рядах сражавшейся молодёжи, находясь всегда там, где опасность и гибель ожидались всего более…»[81].

Для многих террористов спусковым крючком для перехода к террору стало покушение Д. Каракозова на Александра II. Известная участница боевой организации партии эсеров Е. Брешко-Брешковская вспоминала: «Выстрел Каракозова – был ударом, удивившим, поразившим одних, смутившим, вогнавшим в раздумье других»[82]. Радикальная молодёжь того времени была впечатлена этим событием. Выстрел Каракозова, несмотря на реакцию общества, не мог не возбуждать тех, кто мечтал о революционной борьбе и о светлом, лучшем будущем... В среде революционной молодёжи активно обсуждались Каракозов и его покушение, а также влияние его на судьбу страны в целом, и революционное движение в частности[83]. Наибольшее влияние на формирование террористических взглядов

[80] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997. – С. 8.
[81] Прибылева-Корба А.П. Народоволец А.Д. Михайлов. – Л., 1925. – С. 8.
[82] Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка Е.К. Брешко-Брешковская о самой себе. – СПб., 1917. – С. 10.
[83] Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. – М., 1961. – С. 214.

Каракозовское покушение оказало на С. Нечаева. Известный румынский социалист З.К. Арборе-Ралли вспоминал, что Нечаев «с жадностью» выслушивал его рассказы о «каракозовцах» и просил дать ему почитать те номера журнала «Колокола», в которых содержались статьи об этом покушении[84]. В первом номере «Народной расправы» Нечаев писал: «Начинание нашего святого дела положено утром 4 апреля 1866 года Дмитрием Владимировичем Каракозовым. Дело Каракозова надо рассматривать, как пролог. Постараемся, друзья, чтобы поскорее наступила и сама драма»[85].

Ещё одной причиной радикализации революционеров стали террор со стороны государства, выражавшийся в облавах, арестах, ссылках и даже казнях, которые следовали за, казалось бы, безобидными акциями протеста, зачастую даже не направленными против государства, а ставящими своей целью решение конкретных локальных проблем. Ряд будущих террористов обратились к идее террора, находясь в ссылках и тюрьмах. Например, Е. Сазонов в своей автобиографии отмечает, что его участие в студенческих волнениях было стихийным порывом против несправедливости, и что в тот момент он ещё не имел представления ни о социализме, ни о революции: «Да, правительство сделало из меня революционера, оно само объявило меня вне закона, само толкнуло меня в революционные ряды. Когда я бежал из Сибири, я чувствовал, что за моей спиной стояли кровавые призраки, не оставлявшие меня ни днем, ни ночью, шептавшие мне: ты должен, ты должен пойти на Плеве. Когда я узнал, что творится министрами в России, я чувствовал себя не вправе пользоваться благоденствием и мирным житием. Мирная деятельность лично для меня уже невозможна»[86].

---

[84] Ралли З. Сергей Геннадиевич Нечаев. (Из моих воспоминаний) // Былое. – 1906. – № 7. – С. 137.
[85] За сто лет (1800—1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России. – Лондон, 1897. – С. 93.
[86] Там же. – С. 115.

Анализ ряда воспоминаний известных террористов показал, что основным триггером для их перехода к террору стали разочарование в мирных способах ведения пропаганды, многократно доказавших свою неэффективность, а также общее нежелание государства решать массив накопившихся в российском обществе проблем. Прекрасно иллюстрируют это слова С. Нечаева, который писал, что «Мы потеряли всякую веру в слова; слово для нас имеет значение только, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело. Но далеко не все, что называется делом, есть дело. Например, скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ, без всяких внешних, практических проявлений, в наших глазах не более, чем мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению»[87]. Далее выяснялось, что и в теории, и на практике эта разрушительная деятельность должна была сводиться к убийствам или устрашению отдельных «лиц». Таким образом, Нечаев, как и большинство террористов, был фанатиком идеи борьбы, но борьбы, не знающей стеснений в средствах. Фальсификация, ложь, грубое насилие и т. п. – все, по его мнению, должно было пускаться в ход ради достижения цели. Кроме того, он отвергал революцию политическую и считал спасительным для народа уничтожение всякой государственности и классов, однако никаких будущих форм жизни народу не указывал.

Жертвами террористов становились, как правило, следующие лица:

1. государственные служащие, занимающие высокие правительственные должности: руководители министерств и армейских подразделений, вплоть до императора, а также чиновники рангом поменьше из органов местного самоуправления;
2. представители полиции и Третьего отделения имперской канцелярии;

[87] За сто лет (1800—1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России. – Лондон, 1897. – С. 91.

3. крупные помещики и капиталисты, обладающие большими материальными ресурсами и оказывающие финансовую поддержку государству и своему сословию;
4. представители творческой интеллигенции (публицисты, литераторы, художники), подкупленные правительством и использующие свою медийность для пропаганды государственной идеологии, пишущие доносы на членов революционных организаций;
5. Изредка жертвами террористов становились случайные лица, убитые по ошибке. Так, например, в 1906 году вместо петербургского генерала от кавалерии Ф. Трепова был убит генерал С. Козлов; в Киеве вместо жандармского генерала Новицкого убили отставного армейского генерала; в Пензе вместо жандармского генерала Прозоровского был убит пехотный генерал Лиссовский; в Швейцарии, вместо министра Дурново революционерка Т. Леонтьева убила немецкого торговца Мюллера, во время покушения на Александра II, организованного С. Н. Халтуриным, при взрыве в Зимнем дворце погибли 11 ветеранов русско-турецкой войны, нёсших службу в императорском дворце в знак признания их боевых заслуг и т.д.

Общее количество жертв террористов составляет около 17000 человек[88]. Эта цифра весьма примерная, так как в неё не включены многие теракты местного значения, не попавшие в официальную правительственную статистику. Кроме того, здесь не учитываются многочисленные акты политически мотивированных грабежей и экспроприаций, нередко сопровождавшихся убийствами коммерсантов и купцов, которые также трудно поддаются подсчёту.

Основными видами оружия, которые использовали террористы во время терактов, были кинжалы, револьверы и бомбы. Со временем акцент сместился на применение исключительно бомб в виду их большей эффективности. В начале XX века производство бомб приобрело огромные

[88] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997. – С. 10.

масштабы. Во многих городах создавались подпольные мастерские по изготовлению бомб[89]. Переход к преимущественному использованию бомб привёл к значительному росту числа жертв революционного терроризма, так как при взрывах зачастую погибало множество невинных людей, не являвшихся его целью. В терактах, как правило, участвовали сразу несколько террористов, которые страховали друг друга в случае неудачи или провала.

Уровень подготовки террористов менялся с течением времени. Если во второй половине XIX века террористические акты зачастую совершались спонтанно, без чёткой подготовки и должных навыков, то уже в начале XX века руководство революционных партий стало уделять огромное внимание подготовке террористов. Причиной этому стали многочисленные неудачные покушения, совершённые народовольцами, анархистами и просто террористами-одиночками. Партии формировали собственные боевые организации, где обучали террористов навыкам обращения с оружием, минирования и даже производства самопальных бомб, организации явок и конспиративных квартир, поиску и вербовке информаторов, сокрытию следов преступлений и тактике сокрытия от жандармских патрулей. Сами террористы на досуге изучали механику, физику, химию, медицину: в общим всё то, что было необходимо для успешного проведения террористического акта[90]. Таким образом, можно говорить о профессионализации террористов с началом XX века, и, как следствие, повышении эффективности их действий.

Поведение террористов после ареста и на суде также менялось с течением времени. Первые революционные организации не имели чётких согласованных принципов поведения перед царским судом. Как следствие: в 60-х – 70-х годах XIX столетия большинство арестованных террористов охотно рассказывали следователям всё, что им было известно по делу, выдавали сообщников и своих непосредственных руководителей, а также

[89] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. – М., 2019. – С. 120.
[90] Нечаев С. Катехизис революционера // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 228.

раскаивались в содеянных преступлениях, нивелируя тем самым значимость своего поступка[91]. Всё это крайне негативно сказывалось на всём революционном движении, что сподвигло русских революционеров заняться выработкой обязательных принципов поведения после ареста. Так, главный редактор журнала «Вперёд» П.Л. Лавров в ряде статей убеждал читателей в фиктивности царского судопроизводства, советовал меньше думать о «юридических уловках», а заботиться исключительно о чести революционера и чистоте революционного знамени: «Стойте крепко, держите своё знамя высоко, не выдавайте никого, отказывайтесь отвечать»[92]. Вторила журналу «Вперёд» и газета «Работник», утверждавшая, что «от суда нечего ждать ни правды, ни милости… Конец всё равно один, так лучше уж не унижаться, не вывёртываться… лучше прямо плюнуть в глаза этим судьям и молчать. Однако, пока судьи не признали в тебе кровного врага своего, пока ещё можно тебе отвести им глаза, не запутав никого, до тех пор вывёртывайся; может быть, и удастся уйти из их лап»[93]. С. Нечаев писал, что «Революционер – человек обречённый. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки»[94].

Сформировавшиеся в 1870-х годах кодекс поведения террористов на суде просуществовал вплоть до Октябрьской революции. Таким образом, террористы, как правило, держались в суде стойко и не поддавались на судейские провокации. Кроме того, они превратили судебные заседания в арену борьбы с царизмом, а скамью подсудимых – в революционную трибуну, откуда декларировали свои взгляды и убеждения[95].

После арестов судьба рассматриваемых террористов сложилась по-разному. Более половины террористов были либо казнены по приговору суда,

---

[91] Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». – М., 1929. – С. 110.
[92] Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы. – М., 1934. – Т. 4.– С. 87.
[93] Газета «Работник» (1875 - 1876). – М., 1933. – С. 80.
[94] Нечаев С. Катехизис революционера // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. - Ростов-на-Дону, 1996. - С. 228.
[95] Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 гг. – М., 1978. – С. 117.

либо погибли в заключении от различных болезней, отсидев длительные сроки в тюрьмах и на каторге. Так, А.Д. Михайлов умер от отёка лёгких в Петропавловской крепости; С.Г. Нечаев – от водянки, осложнённой цингой; Н.А. Ишутин, будучи тяжело больным человеком с признаками сумасшествия, погиб в Нижнекарийской тюрьме после 13 лет заключения. В списке не доживших до освобождения из мест лишения свободы значится и Е.С. Созонов, покончивший с собой в Зерентуйской каторжной тюрьме. Причиной тому послужило приравнивание начальником тюрьмы И. Высоцким политических заключённых к уголовникам, что выражалось в систематическом применении телесных наказаний даже за ничтожные проступки. Самоубийство Е.С. Созонова было, скорее, показательной акцией, призванной привлечь общественное внимание к проблеме содержания политзаключённых в тюрьмах. Акция удалась, так как это самоубийство вызвало сильный резонанс в русском обществе, спровоцировав новую волну студенческих волнений в 1910 – 1911 годах.

Некоторым террористам удавалось бежать либо при перемещении по этапу, либо уже из тюремных камер. Среди них были двое руководителей Боевой организации партии эсеров Б.В. Савинков и Г.А. Гершуни, которые после побега вынуждены были эмигрировать за границу. Среди эмигрантов был и С.М. Степняк-Кравчинский, которому вообще удалось избежать ареста после своего самого громкого убийства шефа жандармов Н.В. Мезенцова.

Особняком стоит упомянуть Е.Ф. Азефа, судьба которого ярко выделяется на фоне других террористов. Будучи одновременно и террористом, и агентом Охранного отделения, ему удалось, с одной стороны, организовать и успешно осуществить более 30 террористических актов, а с другой стороны, выдать царской охранке весь первый состав ЦК эсеровской партии и целую плеяду видных эсеров-террористов. После разоблачения и заочного приговора к смертной казни своими однопартийцами, он смог избежать гибели и эмигрировать за границу, где и умер от почечной недостаточности, так больше и не вернувшись в Россию.

Часть террористов после длительных сроков заключения была амнистирована либо во время амнистии в честь 300-летия дома Романовых (Н.А. Морозов), либо после Февральской революции во время общей амнистии всех политзаключённых (Ф.Е. Каплан, Н.И. Махно). Среди амнистированных была и В.И. Засулич, оправданная судом после покушения на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова в 1878 году. Оправдание В.И. Засулич имело большой общественный резонанс. Либеральная публика, возмущённая нарушающим закон о запрете телесных наказаний приказом Ф.Ф. Трепова о сечении розгами, восторженно приняла новость о помиловании В.И. Засулич[96]. Однако, чтобы избежать повторного ареста, она вынуждена была эмигрировать за границу, вернувшись в Россию только в 1899 году.

Резюмируя, можно сказать, что у всех революционеров культивирование террористических идей и взглядов происходило в университетских и институтских стенах, где они увлеклись радикальной революционной литературой и познакомились с представителями революционных кружков и организаций. Большинство террористов, будучи отчисленными за участие в этих кружках, так и не смогло получить высшего образования. Стратегия действия террористов после ареста регламентировалась различными кодексами поведения и революционной прессой. Как правило, террористы отказывались выдавать своих коллег по опасному ремеслу и успешно парировали прокурорские провокации, а на суде использовали последнее слова для декларации своих политических взглядов. После ареста судьбы террористов сложились, по большей части, неудачно: более половины были либо казнены, либо погибли в заключении, в то время как другая часть после амнистий и побегов была вынуждена эмигрировать и приостановить террористическую деятельность.

[96] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX — начало XX в. – М., 2000. – С. 33.

2.3 Реконструкция образа идеального террориста

Революционер-террорист второй половины XIX – начала XX веков, ведя конспиративный образ жизни и прячась с поддельным паспортом под вымышленным именем, был в высшей степени загадочной, мало поддающейся разгадке современниками фигурой. О террористе, как правило, узнавали только тогда, когда он с оружием в руках становился вершителем судеб отдельных людей и даже целой страны. Только после этого российское общество получало возможность ознакомиться с биографией преступника. Образ террориста, помещённый в публицистический контекст, становился весьма узнаваемым.

Но несмотря на загадочность фигуры террориста, на основе анализа их воспоминаний и писем мы можем сконструировать образ идеального российского революционера-террориста рубежа XIX и XX веков.

Каждое удачное покушение террористов героизировалось организаторами, которые в нелегальной прессе излагали мотивы и смысл убийства, давали собственную интерпретацию события, возвышали террориста и дегуманизировали его жертву[97]. Для описания деятельности террористов использовался эмоциональный, афористичный и полный отсылок к религиозным текстам язык[98]. В глазах соратников-террористов убийца помещался в своеобразный социалистический мартиролог, а его героизация способствовала получению санкции общества на революционный терроризм[99]. Террористы воспринимались своими товарищами как продолжатели дела Христа. Так, например, А. Желябов подчёркивал общность между революционерами-террористами и настоящими христианами, которые также разделяли представление о единстве «слова и

[97] Рязанов Ю.В. Образ революционера террориста в России в начале XX века // Historia provinciae, 2019. – URL: cyberleninka.ru (Дата обращения 06.02.2020).
[98] Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов // Неприкосновенный запас. 2018. – № 1. – С. 55. – URL: nlobooks.ru (Дата обращения 05.05.2020).
[99] Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М., 1999. – С. 116.

дела», о том, что «доброе» дело должно совершаться безвозмездно — вплоть до самопожертвования, а также верили в ценность социальной справедливости[100]. Вторит ему и Сазонов, утверждавший, что «мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех трудящихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей».

Тем не менее, не чуждо было террористам и вполне приземлённое, материалистическое восприятие своих коллег по цеху, понимание, что работа террориста – это не только героическое нападение с бомбой, но и рутинная повседневная деятельность, подготавливающая этот самый акт нападения. В частности, Б. Савинков утверждал, что «террористическая работа заключается не только в том, чтобы с бомбой в руках выйти на улицу, что она гораздо мелочнее, скучнее и труднее, чем это принято думать, что террористу приходится месяцами жить простолюдином, почти не встречаясь с товарищами и занимаясь самым трудным и неприятным делом – систематическим наблюдением», а также, что на долю террористов приходится «наиболее скучное, но и совершенно необходимое: поездки, сношения с товарищами, паспортное бюро, доставка динамита и т.д.»[101].

Моральный облик рассматриваемых террористов эволюционировал с течением времени. Если на заре эпохи революционного терроризма они задавались вопросами о целесообразности насилия, о роли жертвенности и искупления, о своей моральной и материальной ответственности за совершаемые деяния, то со временем террористы стали людьми, убивавшими без особых раздумий, и не обязательно важных государственных чиновников, но и тех, кто просто подвернулся под руку: городового или конторщика, обладавшего крупной суммой денег, столь необходимой для революционных нужд.

---

[100] Дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. – Киев, 1881. – С. 4-5.
[101] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. – М., 2017. – С. 173.

В 1905 – 1906 годах «народился новый тип революционера», произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек»[102]. Произошло это не только в результате активной пропагандистской работы партийного руководства, выдававшего террористам карт-бланш на совершение практически любых преступлений во благо всеобщего революционного дела, но и вследствие пауперизации террористического движения, в которое с началом XX века активно стали вливаться представители социальных низов (крестьянства, рабочих и даже уголовного элемента), не обладавших достойным уровнем образования и воспитания. В своём «Катехизисе революционера» С. Нечаев декларировал, что террорист «суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нём единою холодною страстью революционного дела. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками всё, что мешает ея достижению»[103]. Таким образом, можно говорить о постепенной деградации морального облика террориста.

Революционер-террорист, как правило, был человеком, полностью посвятившем себя революционному делу даже в ущерб личной жизни, о чём свидетельствует тот факт, что большинство исследуемых террористов так никогда и не были женаты. С. Нечаев писал, что «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией»[104].

---

[102] Струве П.Б. Преступление и жертва // Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследования. – М., 2001. – С. 156.
[103] Нечаев С. Катехизис революционера // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – М., 2001. – С. 228.
[104] Там же. – С. 229.

Отношение общества к террористам также не было статичным. От страха и ненависти к ним, оно переросло в почтение и даже восхищение. Их мученическая смерть и пламенные речи на судах заслоняли факт совершаемых ими преступлений. Ярким примером двойных стандартов и необъективной оценки деятельности террористов является повесть Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных», где автор, с одной стороны, возмущается жестокостью государства, практикующего скорые и безжалостные казни революционеров, но с другой, вполне лояльно относится к террористам, практикующим тоже самое[105]. Благодаря "деидеологизации" террора, стремлению эсеров быть в своем терроре выразителями общих с либералами интересов в начале XX века появляется категория людей, сочувствующих террору и не являющихся при этом сторонниками какой-либо из революционных идеологий. «Юноша с бомбой» становится символом эпохи первой русской революции[106].

Террористы вызывают симпатии и у широкого круга писателей, в частности у символистов и представителей «нового религиозного сознания»: З. Гиппиус, С. Философова, Д. Мережковского и др. Представители творческой интеллигенции видели в террористах бунт красоты и индивидуальности против серости и обыденности, отважных героев, с бомбой в руках борющихся против «ненавистного чудовища», в котором воплощалось государство.

Кроме того, террористы пытались завоевать и симпатии либеральной общественности путём декларирования близких им целей: амнистии для лиц, арестованных за какие-либо убеждения, свободы слова и прекращения административного произвола, требования созыва представительного органа власти. Либералы сами находили достаточно аргументов в пользу того, что

---

[105] Андреев Л.Н. Рассказ о семи повешенных. – СПб., 1908. – URL: az.lib.ru (Дата обращения 09.03.2020).

[106] Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века // Общественные науки и современность. 1998. – № 2. – С. 187. – URL: ecsocman.hse.ru (Дата обращения 05.04.2020).

многие жертвы революционного терроризма были наказаны по заслугам, проникались пламенными речами террористов, находя в них всё больше и больше точек соприкосновения с собственной идеологией. Так, в 1882 году известный русский историк и публицист К.Д. Кавелин в письме к военному министру Д.А. Милютину говорил: «Как ни бессмысленна, безрезультатна и преступна деятельность наших революционеров, но им нельзя отказать в характере, энергии и изобретательности в преследовании цели. Что ни говорите, в них живет глубокое недовольство, которым более или менее проникнуто все русское общество»[107]. Как мы видим, происходит постепенное полевение значительной части русских либералов. Восторженно встречали известия об убийствах царских сановников обыватели в разных концах России; революционеры получали не только моральную, но и весьма солидную материальную поддержку[108]. Особенной симпатией среди интеллигенции пользовались террористы из партии эсеров: убийства великого князя Сергея Александровича и министра Плеве подняли их популярность на небывалую высоту. Со всех сторон и в огромных размерах в кассу центрального комитета партии текли деньги[109]. По сути, в народовольческо-эсеровском терроре содержалось приглашение общества к сотрудничеству.

Терроризм воспринимался террористами с одной стороны, как способ дезорганизовать правительство и побудить его к реформам; с другой стороны — как способ подтолкнуть народ к восстанию, ускорить ход истории. Известный народоволец Н. Морозов лаконично изложил среднестатистические взгляды террористов на роль насилия в революционной борьбе: «Политическое убийство – это самое страшное

[107] Алафаев А.А. Реформа или революция? Русский либерализм и народничество на рубеже 1870-1880-х гг. – М., 1998. – С. 79.
[108] Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. – М., 1996. – URL: old.memo.ru (Дата обращения 19.03.2020).
[109] Воспоминания А.В.Герасимова «На лезвии с террористами» // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях – М., 2001. – С. 507 – 508.

оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают ни грозные армии, ни легионы шпионов. 3 – 4 удачных политических убийства заставили правительство прибегать к таким экстраординарным мерам самозащиты, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи. Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом. Политическое убийство – это осуществление революции в настоящем»[110]. Со временем террористическая деятельность стала для революционеров основной формой борьбы за социальное преобразования в стране.

Итак, идеальный террорист в представлениях современников – это человек-романтик, отвергнувший сытную и комфортную жизнь в угоду служения революционной идее; способный на бесстрашные и отважные поступки; беззаветно преданный своим товарищам по партии; готовый в любой момент пожертвовать собой ради общего дела; готовый с честью нести все тяготы революционной борьбы; человек, который обладает высоким уровнем профессионализма в деле ведения подпольной подрывной работы; человек, который в случае поимки полицейскими службами не выдаст своих товарищей; человек, умеющий сочетать в себе революционный идеализм и холодный расчёт. Таким образом, можно говорить о полном растворении личности террориста в контексте всеобщей освободительной революционной борьбы, об абсолютном примате коллективного над индивидуальным, что вполне коррелирует с социалистическими идеями, проповедуемыми этими террористами. Основными идеологическими чертами террористов стали ярко выраженный догматизм, презрение к обывателю и полное отсутствие желания ему понравиться, ненависть к современному государству и обществу, его культуре и морали, чувство собственной исключительности[111].

[110] Государственные преступления в России в XIX веке: сб. полит. процессов. – СПб., 1905. – С. 283.
[111] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. – М., 1997. – С. 41.

Заключение

В данной выпускной квалификационной работе были проанализированы истоки революционного терроризма в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Революционное движение, в том числе его крайняя форма – терроризм, было порождено незавершенностью реформ 1860-х годов; неспособностью царского правительства адекватно и своевременно реагировать на возникающие проблемы российского общества; государственным террором против всех нелояльных и несогласных; неэффективностью мирного способа революционной агитации; отсутствием конструктивного диалога между обществом и властью, вызванное консервативностью и архаичностью последней; бюрократизацией государственного аппарата; а также чрезмерной персонификацией власти революционерами. Ещё одной причиной эскалации терроризма стало то, что власть изначально придавала революционерам чрезмерное значение, возвышая их тем самым и в собственных глазах, и в глазах общества. Она рассматривала террористов как по существу равную сторону, ей противостоящую. Несовершенство уголовно-правовых мер по борьбе с терроризмом развязало революционерам руки, значительно повысило их результативность. В конфликте власти и общества наиболее «пострадавшей» стороной оказалось именно «общество», оставшееся бесправным и вскоре – почти «безгласным». Этот факт не преминул сказаться на популяризации образа террориста в обывательской среде.

Показательно, что утверждение в общественном сознании теории оправданного терроризма, выразившееся в одобрении и даже героизации политически мотивированного насилия, способствовало появлению и распространению нескольких волн терроризма в Российской истории. Российское, общество пожинало плоды своей эмансипации и всеобщего нигилизма. Пробуждение самосознания личности, стремление отстоять свою честь и достоинство, секуляризация сознания, десакрализация образа

государя, развитие частной инициативы и предприимчивости расширяли рамки вседозволенности и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе и в криминальной, террористической форме.

Революционный терроризм в России прошёл длительный и сложный путь, закончившийся победой народной революции в октябре 1917 года. Начав делать робкие шаги в эпоху народнического «хождения в народ» и анархистской агитации за уравнительный передел земли, он эволюционировал в грозную и опасную силу в лице эсеровской и социал-демократической партий, способную не только дестабилизировать политическую обстановку в стране, но и поставить её на грань социальной революции.

Анализ революционных организаций дореволюционной России показал их общую социалистическую направленность, абсолютную убеждённость в принадлежности земли народу и равноправии всех жителей страны. Партийные идеологи довольно быстро пришли к пониманию необходимости применения точечного террора против государственной власти, создали специализированные отделения внутри партии, занимавшиеся исключительно террористической деятельностью. В попытке оправдать терроризм и популяризировать его в народе, они подогнали убедительную идеологическую базу под него.

В среде рассмотренных революционных организаций появилось большое множество ярких и харизматичных террористов, оказавших решающее влияние на судьбу не только своих партий, но и всей страны в целом.

Рассматриваемые террористы обладали рядом общих и различных черт, которые связывали их между собой. Если первая волна террористов-землевольцев и ишутинцев происходила преимущественно из привилегированных и состоятельных семей, то в дальнейшем происходит пауперизация террористического движения, в него массово вливаются представители социальных низов из пролетарской и крестьянской среды.

Несмотря на принадлежность большинства террористов к русскому этносу, с течением времени росла доля представителей национальных меньшинств, особенно евреев, вынужденных вступить на путь терроризма вследствие непродуманной национальной политики государства. Четверть из общего числа террористов составляли женщины. Средний возраст террористов на момент совершения ими самых громких преступлений составлял 20 – 25 лет. Большинство террористов в той или иной степени разделяли христианские ценности, хотя на основе их воспоминаний мы можем проследить постепенный отход от православной веры, начавшийся с разочарования в официальной церкви, в которой они видели главную опору ненавистного режима.

У всех революционеров культивирование террористических идей и взглядов происходило в университетских и институтских стенах. Начавшись с ознакомления и увлечения радикальной и вольнодумной литературой того времени, оно продолжилось в формате участия в студенческих протестах и социалистических кружках, консолидировавших вокруг себя множество единомышленников, недовольных сложившейся в стране ситуацией. Большинство террористов, будучи отчисленными за участие в этих кружках, так и не смогло получить высшего образования. Основными причинами окончательного формирования идеи необходимости политического насилия стали разочарование в мирных способах ведения пропаганды и государственные репрессии.

Институционализация и организационное оформление революционного терроризма поспособствовали росту профессиональной подготовки террористов, которые к началу XX века стали высококлассными специалистами в подпольной конспиративной работе. Основными видами оружия, которые использовали террористы во время терактов, были кинжалы, револьверы и бомбы. Практика поведения террористов после ареста и на суде эволюционировала от малодушного и пораженческого в среде ранних землевольцев и анархистов, до стойкого и непримиримого у

более поздних поколений революционеров. Терроризм воспринимался террористами с одной стороны, как способ дезорганизовать и напугать руководство страны, тем самым побудив его к реформам, направленным на изменение социально-экономической жизни в стране; с другой стороны — как способ подтолкнуть народ к восстанию против угнетателей, ускорив ход истории.

Кроме того, в представленной выпускной квалификационной работе был показан облик идеального террориста в глазах их последователей из числа современников. Настоящий террорист - это человек-романтик, отвергнувший сытную и комфортную жизнь в угоду служения революционной идее; способный на бесстрашные и отважные поступки; беззаветно преданный своим товарищам по партии; готовый в любой момент пожертвовать собой ради общего дела; готовый с честью нести все тяготы революционной борьбы; человек, который обладает высоким уровнем профессионализма в деле ведения подпольной подрывной работы; человек, который в случае поимки полицейскими службами не выдаст своих товарищей; человек, умеющий сочетать в себе революционный идеализм и холодный расчёт. Таким образом, можно говорить о полном растворении личности террориста в контексте всеобщей освободительной революционной борьбы, об абсолютном примате коллективного над индивидуальным, что вполне коррелирует с социалистическими идеями, проповедуемыми этими террористами.

Основными идеологическими чертами террористов стали ярко выраженный догматизм, презрение к обывателю и полное отсутствие желания ему понравиться, ненависть к современному государству и обществу, его культуре и морали, чувство собственной исключительности.

Библиографический список

Источники

Материалы делопроизводства

1. Государственные преступления в России в XIX веке: сб. полит. процессов / сост. Б. Базилевский. – Санкт-Петербург : Русская скоропечатня, 1905, – 356 с. – Текст : непосредственный
2. Дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. – Киев : Типография Г.Т. Корчак-Ковикого, 1881. – 294 с. – Текст : непосредственный.
3. За сто лет (1800—1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России / сост. В. Бурцев. – Лондон : Russia free press fund, 1897. – 166 с. – Текст : непосредственный.
4. Покушение Каракозова: стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. / подгот. М. М. Клевенский, К. Г. Котельников. – Москва : Изд-во Центр Архива РСФСР, 1928. Т. 1. – 344 с. – Текст : непосредственный.
5. Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах) / С.С. Волк. – Москва : Наука, 1965. Том 2. – 472 с. – Текст : непосредственный.

Источники личного происхождения

6. Бланк, Л.О. Избранные произведения / Л.О. Бланк. – Москва : АН СССР, 1952. – URL: istmat.info (Дата обращения 20.05.2020). – Текст : непосредственный.
7. Брешко-Брешковская, Е.К. Бабушка Е.К. Брешко-Брешковская о самой себе / Е.К. Брешко-Брешковская. – Санкт-Петербург : Народная власть, 1917. – 16 с. – Текст : непосредственный.

8. Гершуни, Г.А. Из недавнего прошлого / Г.А. Гершуни. – Париж : ЦК ПСР, 1908. – 247 с. – URL: library6.com (Дата обращения 19.05.2020). – Текст : электронный.
9. Голубева, М.П. Воспоминания о П.Г. Зайчневском / М.П. Голубева. – Текст : непосредственный // Пролетарская революция. – 1923. – № 6–7. – 22 с.
10. Гончарова, Е.И. «Революционное христианство»: письма Мережковских к Борису Савинкову / Е.И. Гончарова. – Текст : непосредственный // Русская литература. – 2005. – № 1. – 213 с.
11. Засулич, В. И. Воспоминания // подгот. к печ. Б.П. Козьмин. – Москва : Изд-во Политкаторжан, 1931. – 158 с. – Текст : непосредственный.
12. Клевенский, М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова / М.М. Клевенский. – Москва.: Издательство политкаторжан, 1928. – 124 с. – Текст : непосредственный.
13. Кропоткин, П.А. Записки революционера / ред. П.А. Кропоткин. – Москва : Московский рабочий, 1988. – 544 с. – Текст : непосредственный.
14. Лавров, П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы в 8-ми томах / П.Л. Лавров. – Москва : Всесоюзное Общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 4. – 431 с. – Текст : непосредственный.
15. Марцинковский, А. Воспоминания о 1905 г. в г. Риге / А. Марцинковский. – Текст : непосредственный // Пролетарская революция. – 1922. – № 12. – 330 с.
16. Морозов, Н.А. В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого / Н.В. Морозов. – Москва : Типография В.М. Саблина, 1907. – 265 с. – Текст : непосредственный.
17. Пешехонов, А.В. Первые недели / А.В. Пешехонов. 1923. – URL: az.lib.ru (Дата обращения 19.05.2020). – Текст : электронный.

18. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.И. Огарёву / с биогр. Введением и объясн. Примеч.В. Врублевского. – Санкт-Петербург : Издательство В. Врублевского, 1906. – 458 с. – Текст : непосредственный.
19. Письма народовольца А.Д. Михайлова / А.Д. Михайлов. – Москва : Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 280 с. – Текст : непосредственный.
20. Ралли, З. Сергей Геннадиевич Нечаев. (Из моих воспоминаний) / З. Ралли. – Текст : непосредственный // Былое. 1906. № 7. – 329 с.
21. Савинков, Б.В. Воспоминания террориста / под ред. Б.В. Савинков. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 432 с. – Текст : непосредственный.
22. Савинков, Б.В. Избранное / Б.В. Савинков. – Москва : Политиздат, 1990. – 432 с. – Текст : непосредственный.
23. Созонов, Е.С. Письма Егора Созонова к родным. 1895 – 1910 гг. / под ред. Б.П. Козьмина, Н.И. Ракитникова. – Москва : Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. – 383 с. – Текст : непосредственный.
24. Степняк-Кравчинский, С.М. Сочинения в 2 томах / С.М. Степняк-Кравчинский. – Москва : Художественная литература, 1987. – Т. 1. – 1150 с. – Текст : непосредственный.
25. Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. 1953. – 173 с. – URL: rucont.ru (Дата обращения 19.05.2020). – Текст : электронный.
26. Чернов, В.Н. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания: 1905 – 1920. / ред. Л.И. Глебовская. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 430 с. – Текст : непосредственный

Партийные программы и прокламации

27. Заичневский, П.Г. Прокламация «Молодая Россия» / П.Г. Заичневский. – Текст : непосредственный // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. – Москва : Археографический центр, 1997. – 576 с.

28. Нечаев, С. Катехизис революционера / сост. О.В. Будницкий. – Текст : непосредственный // Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Москва : Феникс, 2001. – 576 с.

Публицистика

29. Андреев, Л.Н. Рассказ о семи повешенных / Л.Н. Андреев. – Санкт-Петербург, 1908. – URL: az.lib.ru (Дата обращения 19.05.2020). – Текст : электронный.
30. Бакунин, М.А. Избранные сочинения. Государственность и анархия / Бакунин М.А. – Санкт-Петербург : «Голос труда», 1919. – Том 1. – 320 с. – Текст : непосредственный.
31. Бакунин, М.А. Постановка революционного вопроса / М.А. Бакунин. – Текст : непосредственный // Речи и воззвания. – Санкт-Петербург : Издательство И.Г. Балашова, 1906. – С. 24-49.
32. Достоевский, Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений в 15-ти томах. – Москва : Правда, 1982. – Т. 7. – С. 74-86.
33. Куклин, Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862-1902) / Г.А. Куклин. – Женева : Издательство Г А. Куклина, 1903. – 685 с. – Текст : непосредственный.
34. Ленин, В.И. Государство и революция / В.И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений. – Москва : Госуд. Изд-во политической литературы, 1960. – Т. 33. – С. 103-115.
35. Мост, И. Капитал и труд. Популярное извлечение из "Капитала" Карла Маркса / И. Мост. – Москва : УРСС, 2011. – 144 с. – Текст : непосредственный.
36. Прудон, П.Ж. Война и мир / П.Ж. Прудон. – Москва : Черенин и Ко, 1864. – Т. 1. – 300 с. – Текст : непосредственный.
37. Степняк-Кравчинский, С.М. Россия под властью царей / под ред. Н.М. Пирумовой. – Москва : Мысль, 1964. – 408 с. – Текст : непосредственный.

38. Струве, П.Б. Преступление и жертва / сост. О.В. Будницкий. – Текст : непосредственный // Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Москва : Феникс, 2001. – С. 78-123.
39. Чернов, В.М. Террористический элемент в нашей программе / В.М. Чернов. – Текст : непосредственный // Революционная Россия. 1902. № 7. – 88 с.
40. Энгельс, Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен / Ф. Энгельлс. – Текст : электронный // Deutsche-Brüsseler-Zeitung. – 1847. – № 79-80. – URL: lugovoy-k.narod.ru (Дата обращения 20.05.2020).

Литература

41. Алафаев, А.А. Реформа или революция? Русский либерализм и народничество на рубеже 1870 – 1880-х гг. / А.А. Алфаев. – Москва : Наука, 1998. – 349 с.
42. Баранов, А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века / А.С. Баранов. – Текст : электронный // Общественные науки и современность. 1998. № 2. – 191 с. – URL: ecsocman.hse.ru (Дата обращения 19.05.2020).
43. Будницкий, О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. – Москва : Политическая энциклопедия, 2000. – 408 с. – Текст : непосредственный.
44. Витюк, В.В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В.В. Витюк, С.А. Эфиров. – Москва : Наука, 1987. – 318 с. – Текст : непосредственный.
45. Володин, А.И. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50 – 60-х гг. XIX в. / А.И. Володин, Ю.Ф. Карякин, Е.Г. Плимак. – Москва : Мысль, 1976. – 295 с. – Текст : непосредственный.

46. Гейфман, А. Революционный террор в России. 1894 – 1917. / А. Гейфман, пер. с англ. Е. Дорман. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с. – Текст : непосредственный.
47. Городницкий, Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. / Р.А. Городницкий. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 239 с. – Текст : непосредственный.
48. Гусев, К.В. От соглашательства к контрреволюции. (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров) / К.В. Гусев, Х.А. Ерицян. – Москва : Мысль, 1968. – 447 с. – Текст : непосредственный.
49. Козьмин, Б.П. Из истории революционной мысли в России / Б.П. Козьмин. – Москва : Академия наук СССР, 1961. – 768 с. – Текст : непосредственный.
50. Козьмин, Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора» / Б.П. Козьмин. – Москва : Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – 132 с. – Текст : непосредственный.
51. Корнилов, А.А. Общественные движения при Александре II (1855 – 1881) / А.А. Корнилов. – Париж : Societe Nouvelle de Librairie et Edition, 1905. – 195 с. – Текст : непосредственный.
52. Ланцов, С.А. Революционный терроризм в России / С.А. Ланцов. – Текст : непосредственный // Террор и террористы. Словарь. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004. – 190 с.
53. Левин, Ш.М. Общественное движение в России в 60 – 70-е годы XIX века / Ш.М. Левин. – Москва : Соцэкгиз, 1958. – 511 с. – Текст : непосредственный.
54. Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) / М.И. Леонов, сост. К.Н. Морозов. – Текст : электронный // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. – Москва : Мемориал, 1996. – URL: old.memo.ru (Дата обращения 19.05.2020).

55. Литвинов, Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность / Н.Д. Литвинов. – Москва : Голос, 1999. – 219 с. – Текст : непосредственный.
56. Локк, Д. О государстве / Д. Локк. – Санкт-Петербург : Издательство П.П. Сойкина, 1902. – 55 с. – Текст : непосредственный.
57. Лурье, Ф.М. Нечаев / Ф.М. Лурье. – Москва : Молодая гвардия, 2001. – 434 с. – Текст : непосредственный.
58. Мицкевич, С.И. Русские якобинцы / С.И. Мицкевич. – Текст : непосредственный // Пролетарская революция. 1923. № 7. – 26 с.
59. Могильнер, М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа / М.Б. Морозов. – Москва : новое литературное обозрение, 1999. – 208 с. – Текст : непосредственный.
60. Перегудова, З.И. Политический сыск в России (1880 – 1917) / З.И. Перегудова. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 432 с. – Текст : непосредственный.
61. Прайсман, Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л.Г. Прайсман. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 429 с. – URL: yakov.works (Дата обращения 19.05.2020). – Текст : электронный.
62. Прибылева-Корба, А.П. Народоволец А.Д. Михайлов / А.П. Прибылева-Корба, В.Н. Фигнер. – Ленинград : государственное издательство, 1925. – 230 с. – Текст : непосредственный.
63. Рублев, Д.И. Диктатура интеллектуалов? Проблема «Интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX – начала XX веков / Д.И. Рублев. – Москва : Московский Государственный Университет Природообустройства, 2010. – 283 с. – Текст : непосредственный.
64. Рязанов, Ю.В. Образ революционера-террориста в России в начале XX века (на примере Ивана Каляева) / Ю.В. Розанов, П.В. Тихомиров. – Текст

: электронный // Historia provinciae. 2019. – С. 939-973. – URL: cyberleninka.ru (Дата обращения 19.05.2020).

65. Спиридович, А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883 – 1917 / А.И. Спиридонович. – Москва : Захаров, 2019. – 228 с. – Текст : непосредственный.
66. Троицкий, Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866 – 1882 гг. / Н.А. Троицкий. – Москва : Мысль, 1978. – 335 с. – Текст : непосредственный.
67. Фастовский, В. М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов / В.М. Фастовский. – Текст : электронный // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. – 73 с. – URL: nlobooks.ru (Дата обращения 19.05.2020).
68. Hardman, J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930's / J.B.S. Hardman. – Text : unmediated // The Terrorism Reader. – London. – 1979. – 240 p.
69. Knight, E. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary party / E. Knight. – Text : unmediated // The Russian review. – 1979. – Vol. 38. – № 2. – 153 p.
70. Laqueur, W. The Terrorism Reader: A Historical Anthology / W. Laqueur. – Philadelphia : New Amer Library, 1987. – 296 p. – Text : unmediated.
71. Naimark, N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia / N. Naimark. – Text : unmediated // Terrorism and Political Violence. Summer. – 1990. – Vol. 2. – No. 2. – 192 p.
72. Robbins, Richard G., Jr. Famine in Russia, 1891 – 1892 : The Imperial Government Responds to a Crisis. / Richard G. Robbins, Jr. – New-York : Columbia University Press. – 1975. – Pp XIV. – 262 p. – URL : academic.oup.com (Дата обращения 08.04.2020). – Text : mediated.